

АЛЕКСАНДР

СОЛЖЕНИЦЫН

ПЬЕСЫ И СЦЕНАРИИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Собрание сочинений в 30 -ти томах

Александр Солженицын

Пьесы и сценарии

«WebKniga»

2006

УДК 82-2
ББК 85.374(2)

Солженицын А. И.

Пьесы и сценарии / А. И. Солженицын — «WebKniga»,
2006 — (Собрание сочинений в 30 -ти томах)

ISBN 978-5-96-911611-5

Девятнадцатый том знакомит читателя с Солженицыным — драматургом и сценаристом. Драматическая трилогия «1945 год», состоящая из Комедии, Трагедии и Драмы, представляет нам искрящееся юмором содружество офицеров победоносной армии; трагические судьбы, перемалываемые контрразведкой СМЕРШ (февраль 1945); дикий быт послевоенных советских лагерей. В томе печатаются три киносценария: «Знают истину танки» (о знаменитом лагерном восстании в Кенгире), «Тунеядец» (комедия из советской жизни) и «В круге первом», написанный для одноименного телесериала режиссера Г. Панфилова (2006); последний публикуется впервые.

УДК 82-2
ББК 85.374(2)

ISBN 978-5-96-911611-5

© Солженицын А. И., 2006
© WebKniga, 2006

Содержание

Информация от издательства	5
ПЬЕСЫ	6
Драматическая трилогия	6
Пир Победителей. Комедия	6
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Александр Солженицын

Пьесы и сценарии

Информация от издательства

В издании сохранены орфография и пунктуация автора.

Его взгляды изложены в работе «Некоторые грамматические соображения» (*Солженицын А.* Публицистика: В 3 т. Ярославль, 1997. Т. 3).

В настоящем Собрании сочинений статья будет напечатана в т. 24.

Солженицын А. И.

Собрание сочинений в 30 т. Т. 19. Пьесы и сценарии. — М.: Время, 2017.

ISBN 978-5-9691-1611-5

Девятнадцатый том знакомит читателя с Солженицыным — драматургом и сценаристом. Драматическая трилогия «1945 год», состоящая из Комедии, Трагедии и Драмы, представляет нам искрящееся юмором содружество офицеров победоносной армии; трагические судьбы, перемалываемые контрразведкой СМЕРШ (февраль 1945); дикий быт послевоенных советских лагерей. В томе печатаются три киносценария: «Знают истину танки» (о знаменитом лагерном восстании в Кенгире), «Туняец» (комедия из советской жизни) и «В круге первом», написанный для одноименного телесериала режиссера Г. Панфилова (2006); последний публикуется впервые.

© А. И. Солженицын, наследники, 2017

© Н. Д. Солженицына, составление, краткие пояснения, 2017

© Б. Н. Любимов, сопроводительная статья, 2017

© «Время», 2017

ПЬЕСЫ

Драматическая трилогия «1945 год»

Пир Победителей. *Комедия*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

БЕРБЕНЧУК, подполковник, командир отдельного армейского разведывательного артиллерийского дивизиона.

ВАНИН, майор, заместитель командира дивизиона по политчасти.

ДОБРОХОТОВ-МАЙКОВ, капитан, начальник штаба.

НЕРЖИН, капитан, командир батареи звуковой разведки.

ЛИХАРЁВ, капитан, командир батареи топографической разведки.

ГРИДНЕВ, старший лейтенант, уполномоченный контрразведки СМЕРШ.

АНЕЧКА, капитан медицинской службы, врач дивизиона, фронтовая жена Ванина.

ГЛАФИРА, жена Бербенчука.

ГАЛИНА.

ПРОКОПОВИЧ, техник-лейтенант.

ПАРТОРГ ДИВИЗИОНА, «освобождённый».

НАЧХИМ ДИВИЗИОНА.

ЯЧМЕННИКОВ, лейтенант, командир взвода в батарее Нержина.

КАТЯ, ОЛЯ — девушки из соседней части.

САЛИЙ (Салиев), ЗАМАЛИЙ (Замалиев) — два неразличимых красноармейца-татарина.

ПОВАР дивизиона.

Сержанты и красноармейцы при штабе.

Действие происходит 25 января 1945 года в Восточной Пруссии.

Декорации всех четырёх актов безсменны: это — зал старинного замка. В правой стене — несколько окон, задёрнутых шторами, перед ними — рояль, круглый столик с креслами. В задней — высокая парадная двустворчатая дверь, есть и другие, обычные. Надо всем — галерея военных предков, ещё выше — хоры. У левой стены — рация радиста на маленьком столике, мелочь мебели, ближе — радиола, ещё ближе — лестница наверх. Над сценою свешивается парадная, но не светящая люстра. Когда есть ток — горят несколько сильных электрических лампочек, наплетенных на люстру времяжкой.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене — полная темнота, только слева — красный глазок рации. Слышен в глубине звонкий командный голос.

МАЙКОВ

Держи, держи, ребята, не удай!
Там, наверху, с канатом!

ГОЛОС

(сверху из глубины)

Есть с канатом!

МАЙКОВ

Не ронь!
Салий! Огня сюда давай!
Какой там есть, зови сюда огонь!
(Тише.)
Вопросов нет? Спокойненько.
Сейчас его мы кантом, кантом.
Эй, Замалий, ты где тут?

ГОЛОС

Я!

МАЙКОВ

За техник-лейтенантом
Бегом!

Из задних дверей, с лестницы и на хорах одновременно появляются разрозненные колеблющиеся огни — факелы, свечи в канделябрах и без них, керосиновые лампы, фонари, все они в движении. Из темноты постепенно проступает происходящее: огромное пристенное зеркало нескольких метров в высоту, отражающее на зрителя огни, валится набок. Его поддерживают *красноармейцы*: снизу — руками, палками, сверху — верёвками. За правым столиком впереди — *две женские фигуры*.

ГОЛОС МАЙКОВА

Сюда! Светильники! и факелы! и свечи!
Эй, наверху!

ГОЛОС

(с хор)

Есть наверху!

МАЙКОВ

Легонечко трави!
Поддерживай, поддерживай! на плечи!
Подхватывай! подхватывай! лови!

Зеркало всё более и наконец вовсе валится набок, оставаясь лицевой поверхностью к зрителю. Поставили на ребро. Передышка. Отвязывают верёвки.

Пор-рядочек армейский. Так. Ну, подняли! На тумбы!

Зеркало поднимают ребром на приготовленные тумбы.

ГОЛОС ГАЛИНЫ
Зачем вам зеркало?

МАЙКОВ
Яйцо Колумба!
Простая мысль. Не скрою — ради
Оригинальности отчасти,
Сегодня — праздник в нашей части,
Обширный ужин при параде,
А в этом зале нет стола — или упёрли кто.

Вспыхивает яркий электрический свет на люстре. После этого все огни гасятся, уносятся, кроме забытых двух-трёх свечей. Виден десяток хлопчущих красноармейцев, которые потом постепенно тоже уйдут. *Доброхотов-Майков*, стройный невысокий светлосый офицер отменной выправки, со многими орденами, иногда без надобности позванивающий шпорами. За столом справа — «карманная» *Анечка* в военной форме и *Галина*, одетая строго, с преобладанием чёрного. *Радист* согнулся у рации. Зеркало блещет в зрительный зал.

(Примерившись.)
Не низко?..

(Картинно облакачивается о подзеркальник с точёными ножками, торчащий теперь вперёд.)

По вдохновению, Галина Павловна! Как пианистка,
Вы знаете — его не охватить логическим умом...
(Жест солдатам класть зеркало плашмя, зеркальной поверхностью вверх.)
... Вот так, чтоб люстра над стеклом...
Оно приходит к нам негаданно, необоримо, грозиво! —
Как Суриков — ворону с поднятым крылом
Увидел на снегу — *боярыня Морозова!*
А ну-ка, Дягилев, вот эту вот приставочку — долой.
(Отходит, распоряжаясь.)

Пожилой красноармеец *Дягилев* любовно щупает подзеркальник, который ему приказано отбить.

АНЕЧКА
Моложе я его. Двенадцатью годами.

ДЯГИЛЕВ
Тут, видишь, надо'ть с головой...

АНЕЧКА
И может, к лучшему, что разница такая между нами?

ДЯГИЛЕВ
Она, вишь, на шипах да на клею...

РАДИСТ

Приём, приём.

МАЙКОВ

Черта тут думать? — топором!

Быстро входит *Старшина*, подчёркнуто приветствует Майкова, за ним — *Прокопович*. В сугубо гражданской унылой позе он долго потом стоит на заднем плане, как бы не замечаемый Майковым.

Что скажешь, старшина?

СТАРШИНА

Я — насчёт скатерти...

МАЙКОВ

Концертный «Беккер»...

И мрачность готики... и скатерть белая... *не* стиль!

Без скатерти! Командуй: пятый «Студебекер»

Сюда, на зеркало, перенести!

Старшина козыряет.

ГАЛИНА

С подругой детства, за романами романы осушая,

А в сущности, всё повесть грустную о том,

Что охлажденья не минёт любовь мужская...

ДЯГИЛЕВ

(всё так же робко примеряясь к подзеркальнику)

Сказали — чем, товарищ капитан?

МАЙКОВ

Сказал я: то-по-ром!

Дягилев осторожно постукивает обухом.

АНЕЧКА

...Да?

ГАЛИНА

Да.

Что если это неминуемая беда,

Так нет спокойней мужа пожилого,

Уж не изменит он, ни-ни.

МАЙКОВ

(отстраня Дягилева)

А ну-ка, Бурлов, шибани!

Другой красноармеец плюёт на ладони, берёт топор и в два удара с треском отваливает подзеркальник. Анечка затыкает уши. Из коридора бойцы начинают носить угощения, которые тут же, под руководством Майкова и Старшины, раскладываются, наливаются и насыпаются в вазы, графины, на блюда, на тарелки, ставятся в банках стеклянных и металлических. Несут в изобилии и пустую посуду, фарфоровую, серебряную, хрустальную, цветы. Обширный «стол» до отказа заставляется кушаньями и винами. Солдаты вышколены и чётки до циркового предела. Майков распоряжается театральными жестами.

Интересуюсь, Прокопович,
Вы — офицер или попович?
Что вы пришли?

ПРОКОПОВИЧ
(собираясь уйти)
Простите, мне сказали,
Что будто бы меня вы вызывали.

МАЙКОВ
Не будто бы, а вызывал.
А вы пришли и жмётесь, как мешок.
В чём дело? Света не было. Опять стоял движок?
Небось, искра?

ПРОКОПОВИЧ
(сокрушённо)
Искра...

МАЙКОВ
Не может штаб работать в темноте!
За-пом-ни-те!
Сегодня свет не должен здесь ни на минуту гаснуть!
Вам — ясно?

ПРОКОПОВИЧ
(отаптываясь)
Но в функции мои, коль рассуждать формально...

МАЙКОВ
(трагическим шёпотом)
Как вы сказали? — *Рассуждать?* Печально.
А тысячёнка в месяц — как? А дополнительный паёк?
Да на *гражданке* б вас заездили, как чёрта,
За это маслице. Вы разве на войне? — вы на курорте!
И кто на радиоле мне исправит рычажок?
Кто вообще попрёт, за грубость извините мне, телегу-с?
Быть может, абиссинский негус?

ГАЛИНА

Но, Анечка, но эти фрукты, вина...

Вы — часто так?

АНЕЧКА

О нет, сегодня — именины!

МАЙКОВ

И без того я вам смягчил муштровки школу.

Садитесь и чините. Радиолу.

В дальнейшем Прокопович осматривает неисправность, уходит, возвращается с отвёрткой, паяльником, радиодеталями, садится чинить.

АНЕЧКА

Конечно, вы сегодня за столом у нас.

С комдивом и женой комдива познакомились.

А про меня подумали: вот в голове ничуть?

С порога вздумала так откровенничать!

ГАЛИНА

Да что вы!

АНЕЧКА

Я ни с кем! Всё среди мужчин, всё жизнь кочевная,

Общенья женского мне так не доставало.

Придётся!

ГАЛИНА

Неудобно...

АНЕЧКА

Слышать не хочу.

МАЙКОВ

(услышав обрывки их разговора, продолжая распорядиться)

И будете царевною

Штабного бала!

Польстил бы я сторицею,

Что будете царицею,

Но, сами понимаете, — масштаб —

Дивизионный штаб...

АНЕЧКА

Уйди! Привычка — вмешиваться в женский разговор.

МАЙКОВ

У-шёл!

АНЕЧКА

Вот, собственно, и весь народ.
Ещё начхем — но это вздор,
А звукотехник — он не в счёт.
Ещё узнаете парторга —
Не испытаете восторга.
Ещё должны быть два комбата,
Но оба славные ребята,
Да вот один...

Из коридора проходит, слегка прифокстрочивая, к радиоле *Лихарёв*. У него тоже шпоры и отличная строевая выправка.

ЛИХАРЁВ

(напевает)

Эс гэет аллес фрюбер, эс гэет аллес форбай,
Унд нах йедем децембер комт видер айн май...

МАЙКОВ

Дитя моё, по скользкой ты идёшь тропинке.

ЛИХАРЁВ

Я отберу пока пластинки?

(Отбирает.)

МАЙКОВ

Забыл ты край родной, забыл родной Прованс.

ЛИХАРЁВ

Живу, пока имею шанс.

МАЙКОВ

В трудах войны не ты ль, Иван,
Все эти годы был и дран,
И потен был, и был почти в лаптях?

ЛИХАРЁВ

(ощипываясь)

Как кителёк, товарищ капитан, —
Не узок мне в плечах?

(Отбирает пластинки; взяв пачку, удаляется, пританцовывая и косясь на Галину.)

Эс гэет аллес фрюбер, эс гэет аллес форбай,
Унд нах йедем децембер...

АНЕЧКА

А я боюсь одеться пышно.

Одна пестриночка — и та уж кажется излишней

На платья на моём. и как это ни горько — Примерю что-нибудь, а лезу в гимнастёрку.
Я до войны и в институте одевалась девочкой.

Жаль, что теперь нельзя.

ГАЛИНА

Как так — одеться не во что?
В каком хотите роде,
Сегодня здесь, в хозяйском гардеробе...
Зайдёте в комнату ко мне.

АНЕЧКА

Спасибо, милая, найду,
Но не найдёте вы...

ГАЛИНА

Найду!
Не знала прежде я сама,
У венка набралась ума.

РАДИСТ

Рязань, Рязань! Всё понял. Кострома.
Приём.

МАЙКОВ

Когда ж ты позывные сменишь, косопузый?

РАДИСТ

(трясёт бумажкой)
Да вот они! Да не довыкну я до этих до... Флоренций...

МАЙКОВ

И скифы мы, и азиаты мы, —
а, поглядишь, шарахнули французов.
Напёрли немцы — шуганули немцев.
А?! Прокопович? Как вы в рассуждении славян?

ПРОКОПОВИЧ

Я — занят, видите, товарищ капитан?

МАЙКОВ

Ч-чёрт, потрепаться не с кем.

АНЕЧКА

И хочу заранее
Предупредить вас — не зовите меня Анею, —
Лишь Анной Зотовной. Здесь армия, я — офицер...

ГАЛИНА

Да-да, пожалуйста, к обычаям своим
кто ж не привержен...

РАДИСТ

(вскакивая)

Товарищ капитан! Вторая Бэ-Зэ-Эр
Снимается с порядков боевых, а Нержин
Здесь будет через час!

У Прокоповича радиола начинает работать. Музыка.

МАЙКОВ

Да два часа приказ передавал?
Мотай отсюда удочки!

Радиист собирает рацию и уходит. Галина взволнована и пытается скрыть.

ГАЛИНА

Простите, или я...
Я не дослышала? Как он назвал фамилию?
Фамилию — как он назвал?

АНЕЧКА

Какую? Нержин?

ГАЛИНА

Да.

АНЕЧКА

Вы знаете его?

ГАЛИНА

Нет! То есть... знала
Когда-то одного... А — Бэ-Зэ-Эр?

АНЕЧКА

Я б вам расшифровала,
Да ведь нельзя: секретный наш дивизион.

ГАЛИНА

Откуда он?

АНЕЧКА

Кто?

ГАЛИНА

Нержин.

АНЕЧКА

Из Ростова.

ГАЛИНА

Тогда не он!

АНЕЧКА

А не земляк ли ваш?

Вы, помнится, сказали между словом...

ГАЛИНА

Вам показалось.

АНЕЧКА

Да? Быть может.

(С порывом.)

А я... я не могу ничем помочь вам?

Что-то вас тревожит!

Весь вечер я смотрю на вас — вас угнетает что-то,

Какой-то страх, какая-то забота...

ГАЛИНА

Вы с добрым сердцем родились. Спасибо вам за то.

Но здесь — помочь — не может мне никто.

Стол готов, хотя Майков ещё что-то переставляет. Снование солдат прекратилось. Проккопович ещё занят с радиолой. Музыка обрывается. Из коридора поспешно входит дородная **Глафира**. Руки у неё заняты: сверкающий чайник и что-то в полотенце.

ГЛАФИРА

Кто это здесь? Ах, это вы, несчастная страдальца!

Вы — спасены, а сколько их, освобожденья
дожидаются,

Рабыни бедные! Я приняла вас к сердцу

ближе... ближе...

Я вся дрожу!

АНЕЧКА

Больна?

ГЛАФИРА

Как я их ненавижу!

Да попадись мне фриц какой-нибудь обапопы,

Да я б ему глаза все расцарапала!

Такую девушку!.. Фашизм! Рабский рынок!

ПРОКОПОВИЧ

Вверх — станции ловить, а книзу — для пластинок.

ГЛАФИРА

Начальник штаба! Накажи его!

Что свет всё время тухнет?

Майков жестом отпускает Прокоповича.

Ходила я, ходила я — зашла проверить кухню.
На полочке фарфоровые, беленькие, в ряд
Вот эти двадцать девять баночек стоят!
(Высыпает их из полотенца и расставляет на круглом столике.)
В головках дырочки и надпись. Хоть не знаю языков,
Но полизала языком, —
Где перец, мак, желток, укроп,
Где тмин, ваниль, орех, корица, —
Я их конечно сразу — хоп! —
Вот это нам годится!
Но что я? Майков! Мне же некуда грузиться!
Потом ещё: совсем случайно
Узнала я, что этот чайник
Не прост! О фрау о своих подумал изверг Гитлер:
Поставь на печь и не смотри, кипит ли?
Он сам! — как закипит! —
Как засвистит!! —
А я услышала свисток — вот это нам годится!
Но что я, что я? — мне же некуда грузиться!
Изящный чайник!
Дюжину взяла бы!
Начальник!
Штаба!!.

МАЙКОВ

Глафира Евдокимовна. Я очень уважаю вас.
И всю вашу семью.
Три пары битюгов. и две автомашины. Как хотите, —
В обоз ваш больше не даю.

ГЛАФИРА

Комдив прикажет — и дадите!
Он мне даёт! Три пары битюгов!
Что ж, руки мне сложить в стране врагов?

АНЕЧКА

Ты, правда, странная какая-то, Глафира,
Не понимаешь, что порочишь командира
И часть.

ГАЛИНА

Я, Анна Зотовна, к себе. Вас буду ждать я.
(Направляется к лестнице.)

ГЛАФИРА

А что такое? что??

АНЕЧКА

Так, ничего.

ГАЛИНА

Примерить платья...

ГЛАФИРА

Кому примерить? Ей? Да бросьте, Галочка, всё впусте!

При Анечкином росте... Анечкином бюсте...

Походит и в военном. Понимает ведь майор.

А что? У вас большой набор?

Салиев — или *Замалиев*, их не различишь, — вбегает, запыхавшись, в правые двери, оставляя их распахнутыми.

САЛИЕВ

Комдив! С майором!

И с какой-то толстой старшим лейтенантом!

(Кивает в далеко видный теперь второй зал в глубине.)

МАЙКОВ

(стремительно)

А ну-ка, фея!

Убрать трофеи!

Глафира поспешно собирает баночки в полотенце, схватывает чайник. *Салиев* исчезает. Галина замирает, застигнутая на первых ступеньках лестницы.

(Командует, как на параде полка, но с комическим оттенком.)

Все по места-а-ам!! На одного линейного дистан-ция!

(Идёт строевым шагом к роялю, открывает крышку.)

Марш, м-м-музыканты!!!

(Стоя играет «Турецкое рондо» Моцарта.)

По второму залу приближаются из глубины и под музыку входят: высокий представительный подполковник *Бербенчук* при многих орденах, румяный плотный майор *Ванин* и очень молодой *Гриднев*, уже одутловатый старший лейтенант с лицом херувимчика.

(Обрывает музыку и со всею строгостью строя, голосом, рассчитанным на обширный плац, с тою же игрой.)

Товарищ подполковник! Разрешите доложить?!

Всё подготовлено к торжественному ужину!

Бербенчук торжественно принимает рапорт, делает жест «вольно!», проходит вперёд, озирает зеркало.

БЕРБЕНЧУК

Роскошный стол... Скота

(выразительно)

не резали?

МАЙКОВ

Оставил жить!

БЕРБЕНЧУК

И *не* обидели гражданских?

МАЙКОВ

Таковых не обнаружено!

БЕРБЕНЧУК

(оглядываясь на Гриднева)

Ну что ж, я полагаю, угощение заслужено?

ГРИДНЕВ

Как говорил Суворов, то, что с бою взято, —
То свято.

БЕРБЕНЧУК

Прекрасно сказано. и кстати очень.

Действительно, не взять добытое в бою как-то... обидно.

Прошу знакомиться: контрразведки СМЕРШ

уполномоченный! —

Начальник штаба!

МАЙКОВ

Майков.

ГРИДНЕВ

Гриднев.

Здороваются за руку. Майков тянет его вперёд и проходит на авансцену между Анечкой и Глафирой, которая застыла с полотенцем и чайником в руках.

МАЙКОВ

Я оч-чень рад! Я оч-чень рад!

ГРИДНЕВ

Чему так рады вы?

МАЙКОВ

Что будет полный штат!

Вы можете поднять меня на смех,

Но в штатах, как в штанах, — не выношу прорех.

Уполномоченные СМЕРШ буквально есть у всех! —

За что же нет у нас?

И вот прислали вас!

Всех смершевцев — люблю! На ногу тесной дружбы!

И на передний край катнуть и выпить первача!
Теперь и я представлю — капитана медицинской службы
Григорьеву — дивизиона нашего врача.

ГРИДНЕВ

Приятно познакомиться. Как говорят — змея вокруг чаши?

АНЕЧКА

Вы очень милою остротой начали знакомство наше.

Теряюсь только я:

Где чаша, где змея.

Чётко выстукивая каблуками, отходит к Ванину, знакомит его с Галиной у начала лестницы.

МАЙКОВ

(фамильярно толкая Гриднева в бок)

А звать тебя?

ГРИДНЕВ

Владимир Николаич.

МАЙКОВ

Вовка?

Держи, я — Сашка!

ГРИДНЕВ

Не пойму!

МАЙКОВ

Да что ты брянским волком?

Узнаешь! Я — такой! Есть? — мне не жалко, — на!

(Хлопает его по плечу.)

Пор-рядочек! Пойдёт у нас шикарно!

БЕРБЕНЧУК

Гм... Во-от... А это, значит... вот... моя жена

Со мною следует по разрешению штабарма.

ГЛАФИРА

(высвобождая одну руку и протягивая её, как палку)

Глафира Бербенчук!

ГРИДНЕВ

(сдержанно здороваясь с Глафирой, Бербенчуку)

Есть, говорите, разрешение?

БЕРБЕНЧУК

Да, да. Я специально подавал прошение.

Уж двадцать лет я в армии,
учения, походы, что ни говори...

ГРИДНЕВ

Понятно. Только женщин я тут вижу три,
А у меня застряло в голове,
Что вы дорогою сказали — две?

БЕРБЕНЧУК

А третья... та...

ГЛАФИРА

Рабыня. Вырвана из гитлеровских лап.

МАЙКОВ

Хе-ге! Да ты, я вижу, больше насчёт баб!..

ГРИДНЕВ

Послушайте! Вы как-то странно сразу начали на «ты».

МАЙКОВ

Да милый, ради простоты!
Повеселиться, поделиться,
Душой измученной открыться, —
Не строевик же ты! — листать тебе уставные страницы —
«Товарищ капитан» да «разрешите обратиться»!

ГАЛИНА

(Ванину)

Нет, нет, зовите просто Галей...

ГЛАФИРА

*(из глубины резко окликая Бербенчука, который
направляется к группе у лестницы)*

Евгений! К ужину умыться и одеться не пора ли?
(Завладевая им, ведёт к одной из дверей.)

ГРИДНЕВ

По роду нашей службы нам разрешено
В обход армейского устава...

МАЙКОВ

Но-но-но!

БЕРБЕНЧУК

(уже уходя)

Начальник штаба!

МАЙКОВ

Я!

БЕРБЕНЧУК
Устроить гостя...

МАЙКОВ
Первый класс!

БЕРБЕНЧУК
А ужин — через час?..

МАЙКОВ
Есть ужин через час!

Глафира и Бербенчук уходят.

Спешу на кухню, но — позволь!
Ты наступаешь на мою любимую мозоль!
Да строевик, с постели ночью встав,
Уметь отбарабанить должен скоростью пожарной
На память боевой и внутренний устав,
И гарнизонный весь, и весь дисциплинарный!
Ведь так?

ГРИДНЕВ
Ну, так...

МАЙКОВ
Нет, ты скажи мне — так?

ГРИДНЕВ
Да так!

МАЙКОВ
Так для тебя же лучше делаю, чужак!
Я проявляю чуткость!
(Быстро уходит за Ваниным и Анечкой.)

Не успевшая Галина поднимается по лестнице.

ГРИДНЕВ
Гражданочка!

Галина продолжает подниматься.

Гражданочка!

Галина замедляет шаг.

Одну минутку!

Галина стоит на верху лестницы, Гриднев — в центре внизу. В продолжении дальнейшего действия напряжение в лампочках неуклонно падает, сцена всё время темнеет.

Спуститесь-ка сюда!

ГАЛИНА

Мне некогда.

ГРИДНЕВ

Чем это вы так заняты?

ГАЛИНА

Что вам?

ГРИДНЕВ

А у меня к вам дельце есть.

ГАЛИНА

Я слушаю.

ГРИДНЕВ

Нет, слушать буду я. Вы станете
Рассказывать.

ГАЛИНА

О чём?

ГРИДНЕВ

Спуститесь.

ГАЛИНА

Слышно мне и здесь.

ГРИДНЕВ

Я не могу кричать.

ГАЛИНА

Кричать? У вас и прав нет.

ГРИДНЕВ

А эта книжечка бордовая...

(Достаёт удостоверение.)

...вы знаете, чем пахнет?

(Перелистывает.)

Так... Предъявителю сего... задерживать гражданских лиц

О-по-зна-вать... Правам моим границ

Не знаете. Спуститесь же!

Галина сходит на несколько ступенек.

Ещё.

Галина сходит немного.

Ещё.

Галина почти сошла.

Сюда. Волнуется заметно...

ГАЛИНА

Вы обращаетесь...

(Она еле стоит, держится за зеркало.)

ГРИДНЕВ

При чём тут? Будем говорить конкретно.

Волнение

Приходит неспроста.

В ком совесть перед Родиной чиста,

Тот не... У вас

Есть при себе какое-нибудь удостоверение,

Какой-нибудь немецкий *пасс*?

ГАЛИНА

Нет.

ГРИДНЕВ

Нет?

А — почему? Ведь немцы их давали нашим, не секрет.

ГАЛИНА

Нам не было положено.

ГРИДНЕВ

Кому это?

ГАЛИНА

Рабочим ОСТА.

ГРИДНЕВ

Но что-нибудь взамен?

ГАЛИНА

Нагрудный знак.

Да-да!

ГРИДНЕВ

Я знаю. Я шучу. Я просто

Так...

Как аккуратненько вы с платица спорили *остик*, —

Хоть пятнышко, хоть чуть бы ярче полоса,

Галина...

ГАЛИНА

Павловна.

ГРИДНЕВ

А? Чудеса?

Вы знаете, был в Англии такой философ Юм, агностик,

Он говорил — не верь своим глазам.

ГАЛИНА

Скажите, я могу идти?

ГРИДНЕВ

Конечно, можете.

Галина порывисто всходит на первые ступеньки.

Задам

Галина останавливается.

Ещё вопрос: откуда вы?

ГАЛИНА

Из Харькова.

ГРИДНЕВ

Как? Земляки?!

Все наизусть я харьковские знаю уголки.

И даже все дома по номерам.

Ну, улыбнитесь же. Приятно будет нам

Припомнить молодость... Игра войны!

Когда вы освобождены?

ГАЛИНА

Когда я — что?

ГРИДНЕВ

Я говорю — когда

Освободили вас?

ГАЛИНА

Ах, да!

Освободили... Прошлой ночью.

ГРИДНЕВ
Где?

ГАЛИНА
(сходит)
Здесь.

ГРИДНЕВ
Вы жили здесь?

ГАЛИНА
Жила.

ГРИДНЕВ
И — долго?

ГАЛИНА
С год. Не помню точно.

ГРИДНЕВ
Что вы здесь делали?

ГАЛИНА
Прислугою была.

ГРИДНЕВ
Кем именно? Кухаркою? Дояркою?

ГАЛИНА
Нет, горничной.

ГРИДНЕВ
А дома, в Курске, кем работали?

ГАЛИНА
А в Харькове
Училась.

ГРИДНЕВ
Нич-чего для времени военного местечко!
На губы просится словечко!
Передничек крахмаленый,
Воротничок мережный.
Хозяином какой-нибудь ээсовец оскаленный,
В кругу домашнем нежный...

ГАЛИНА
Прекрасно знаете, что силою нас брали с биржи...

ГРИДНЕВ

Но выбрали-то *вас*? Не мир же
На вас одной сошёлся клином?
Вы угождали в них кому? — фашистам ли? мужчинам?

ГАЛИНА

Что я могла?

ГРИДНЕВ

Могли быть в армии, в отряде партизанском,
Могли быть Зоею Космодемьянской!
Но вы — вы птичка! Вы прекрасно разочли.
Забыли вы одно:
Что мы — придём! Что мы — пришли!!
Взгляните-ка в окно!
(Подходит и отдёргивает шторы у трёх окон.)

Мерцающее голубое сиянье разливается по залу, где свет лампочек уже очень тускл.

Смотрите! — даже ночь сегодня голуба!
По трём шоссе — смотрите, сколько фар!
То катит ваша смерть! То занесла судьба
Карающий удар!

Галина обращена к окнам. За спиною Гриднева у неё на мгновение жест отчаяния.

И вон пожар! и вон — пожар! и вон, и вон — пожар!
(Стучит кулаком в грудь.)

Мы шли под танки, жизни не щадя,
За нашу Родину, за нашего любимого Вождя!
А вы? поджали ножки? с книжкой? на кушетке?
Смотрите — артиллерия! мотопехота! конница!
И думаете, славная чекистская разведка
Захочет с вами церемониться?
Вы под святое сталинское знамя
Шмыгнуть намерились в победный час?
Но Маяковский нам сказал: тот, кто не с нами, —
Тот против нас!!
(Наступает на Галину.)

Она отходит и, споткнувшись о стул, садится.

Весь путь ваш, с кем вы виделись, с кем знались,
Откуда вы, куда, и для чего вот здесь одна остались, —
Доподлинно известно Органам.
Мы видим вас — насквозь!
А ну-ка, карты на стол! Маска сорвана!
(Стучит по столу.)

Не удалось!

Галина поникла. Пауза.

Единственно одно — чистосердечное признание
В глазах народа с вас снимает полвины.
Кто вам давал секретное задание?
Что вы здесь выполнить должны?

При последних словах Галина удивлённо поднимает голову, слабая улыбка освещает её лицо.

ГАЛИНА

Ах, Боже мой! Слова такие беспощадные
И сказаны таким ужасным тоном...
Вы — любите конфеты шоколадные?
Я с детства неисправная сладёна.
(Встаёт.)
Пока никто не видит, стащим, а?
(Берёт горсть из вазы и предлагает Гридневу.)
Покушайте со мной! Не бойтесь! Не отравлены!
Ха-ха-ха-ха! Как вы застращены!
Вы думаете, я оставлена,
Чтоб подносить советским офицерам яд?
Не бойтесь, это тающий, прелестный шоколад.
(Ест.)
Пусть. Проглочу одна. Как верный пёс,
Издыхну в корчах, доползя до двери.
Не жалко будет вам? Утешитесь, что ваш прогноз
Был абсолютно верен.

ГРИДНЕВ

Вы не пытайтесь...

ГАЛИНА

Справедливо!
Как справедливо всё, что вы сказали мне!
Я — женщина! Я в мир пришла, чтоб быть счастливой! —
Мне дела нет, в какой стране
И при каком правительстве дурацком!
Военной формы не терплю и обожаю штатскую.
На сапоги зенитчицы я не сменяю туфли модные,
Ни на солдатские обмотки шёлковый чулок!
Откуда взяли вы, что я мечтаю быть свободною?
Хочу — рабою быть! Хочу — семейный уголок!
Что я мечтаю трактором пахать,
Откуда взяли ваши головы светлейшие?
Я, может, призвана смеяться и порхать!
Я, может, уродилась гейшею?!

Сто лет твердить — «равны», «равна», —
Возьмите равенство себе! и без него неплохо жили мы.
Вот новости! Кругом и каждому я что-то вам *должна*?
Я не брала у вас займы!
Три штуки слопала — и до сих пор жива.
Попробуйте.

Гриднев колеблется.

Стыдились бы. Вас угощает дама!
Ну, слушайте, зачем все эти пышные слова?
Вся эта мелодрама?
Ведь сами вы не верите тому, что говорите?
В таком мундирчике, как ваш, не ползают под танки.
А окажись войны игрою где-нибудь на Крите —
Махнули бы на всё, влюбились бы в гречанку...
Откуда я — из Харькова? Из Ровно?
Жила безгрешно ли? немножечко греша?
Ни перед кем и никогда не буду я виновна,
Затем, что хороша.
Вы — юноша. Едва сведя отроческие прыщички,
Зачем вы тужитесь быть непременно сыщиком?
Нагородили — клятвы! трубы! трупы!
Вы пожалеете когда-нибудь, как это было глупо!..

ГРИДНЕВ

Галина Павловна! Надеюсь я... что я...

ГАЛИНА

(идя вокруг стола)

Траля-ля-ля, ля-ля, ля-ля!

ГРИДНЕВ

(следуя за ней)

Помиримся.

ГАЛИНА

Мизинчиками? У меня болит сустав.

ГРИДНЕВ

Конечно, вы правы. Конечно, я не прав.

Но я раскаялся. Раскаянье...

ГАЛИНА

Снимает полвины.

ГРИДНЕВ

По долгу службы должен был, простите.

ГАЛИНА

Да никому вы не должны,
Поймите!

ГРИДНЕВ

(неотступно за ней)

Галина Павловна! Где ваша комната?

ГАЛИНА

Ого!

А больше — ничего?

ГРИДНЕВ

А больше — то, что я от вас не отступлю,
Я вас люблю!

ГАЛИНА

Не смейте это слово!

ГРИДНЕВ

Ну не надо, ну нельзя,

Галина! Галечка!

(За плечи.)

Галю-

ся!!

ГАЛИНА

(вырываясь)

Пустите!

ГРИДНЕВ

До утра!

ГАЛИНА

А после?

ГРИДНЕВ

В тыл отправлю.

Бумажки, справки дам! А хочешь — здесь оставлю.

Со мной — поедешь, а?

ГАЛИНА

Но — *как* же?

ГРИДНЕВ

Ну, там придумаем! Ну, секретаршей!

А? Галя?.. Галечка?.. Ну, оглянись...

Война всё спишет. Кто узнает?

Пытается обнять её. Галина вырывается.

ГАЛИНА

(сильно повышая голос)

Я закричу.

ГРИДНЕВ

(оставшись на месте)

Ах, так?..

Ну, ну. Кричи. Как нас учил великий гуманист,

Что если не сдаётся враг,

Его уничтожают.

Пауза. Они вдали друг от друга.

Кричи-кричи!.. Что горла, громко!

Вот прибегут защитнички толпой!..

Давно ж ты не была в СССР. Не знаешь этой кромки —

Вокруг погонов кромки голубой.

Пусть прибегут. Скажу: а-рес-то-вал!

И — всё. и между вами — пропасть. и — в подвал.

Без хлеба и без сна на пятидневку!

ГАЛИНА

(опускаясь)

Две мерки к женщине:

застенка жертва — уличная девка...

ГРИДНЕВ

(постепенно подходя)

Ты зря упрямисься... Ну что ты потеряешь?

Сегодня — ночь. Разъедемся. Живи себе, как знаешь.

Лампочки еле светятся. В голубом сиянии окон всё сильнее багровый отсвет пожаров. В наступающей темноте заметнее свет забытых свечей. Из коридора вбегает и печатает шаг **Салиев**.

А ты зачем?

САЛИЕВ

(козыряя)

Боец Салиев.

Приказано доставить вас на отдых!

ГРИДНЕВ

(поколебавшись, Галине)

Так я приду к тебе. и помни: часовые

Стоят на выходах и входах.

(Уходит с Салиевым.)

Галина идёт было к лестнице, подымается на несколько ступеней — но сходит назад. Безсильно, безцельно бредёт по залу. Одну за другой задёргивает шторы. Садится за рояль, роняет голову. Потом начинает играть. Во время игры, не замеченный ею, в парадную дверь входит без шинели капитан **Нержин**. Он останавливается, слушает. Беззвучно садится.

НЕРЖИН

(когда Галина кончает играть)

Дарф их зи биттен, гнедигес фройляйн,
Айн биссхен нох?

Галина вскакивает, встаёт и Нержин, они пытаются всмотреться друг в друга.

ГАЛИНА

Серёжка!!!

НЕРЖИН

Галка!!

Коротко целуются, перебирают друг друга за руки, говорят наперебой. Вся сцена — при слабом свете и свечах.

Я...

ГАЛИНА

А я...

НЕРЖИН

Ты отступала с немцами?

ГАЛИНА

Ах, долгая история!..

Тебя узнать нельзя! в военной форме! капитаном!

Уехала? учиться. В венскую консерваторию,

По классу фортепьяно.

НЕРЖИН

Как?? — в Вене??

ГАЛИНА

В Вене!!!

Где Моцарта, где Гайдна тени!..

Но — Люся?.. Перед сдачею Ростова

В бомбоубежище мы встретились.

В ней не было кровинки...

НЕРЖИН

Она бежала на Кавказ. и снова, снова

Куда-то в горы, под обстрелом, по тропинке...

Полуживая в Казахстан... Но объясни...

ГАЛИНА

Ах, Боже!

Так много надо мне сказать тебе, Серёжа!

(Мечется.)

Куда пойти? Пойдём ко мне! Да нет, нельзя...

НЕРЖИН

Да что ты?!

Чего боишься ты?

ГАЛИНА

Ты сам, ты сам со мною берегись!

НЕРЖИН

(растёгивает кобуру пистолета)

Что, немцы здесь?

ГАЛИНА

Ах, если б немцы! Желторотый

Какой-то бродит тут чекист.

НЕРЖИН

Штаб нашей части тут, ты бредишь.

ГАЛИНА

Ты — не боишься?!

НЕРЖИН

Да чего ж?!

ГАЛИНА

Ой, как тебе я рада! Ты сейчас поедешь —

Куда поедешь ты? Меня с собой возьмёшь?

Скажи, что — можешь, умоляю!

НЕРЖИН

Я — ничего не понимаю!

ГАЛИНА

Ты всё сейчас поймёшь!

НЕРЖИН

Ну, если хочешь, я возьму, конечно, но...

Но я ведь еду на передовую.

ГАЛИНА

В какую сторону?

НЕРЖИН

Тебе не всё равно?

ГАЛИНА

Нет, очень важно мне, в какую?

Хоть подвезёшь. Сойду — оттуда

Попробую сама добреть.

Ах, Игорь-Игорь, да! После такого чуда

Ты прав, что Бог на небе — есть!

НЕРЖИН

(оглядываясь)

С кем ты? Кто — Игорь?

ГАЛИНА

Мой жених.

НЕРЖИН

Он здесь?

ГАЛИНА

Нет, к счастью, не у вас!

НЕРЖИН

Ах, он у *них*?

ГАЛИНА

Да, он у *нас*!

НЕРЖИН

Ну, что ни слово, то загадка.

Сядь, расскажи всё по порядку.

Выходишь замуж?

ГАЛИНА

Выхожу.

Да подожди, да расскажу.

Ты видишь, я ещё дрожу.

Он тут допрашивал меня...

НЕРЖИН

Кто — он?

ГАЛИНА

Чекист.

НЕРЖИН

Ка-кой?

ГАЛИНА

Такой,
С рогами.

НЕРЖИН

Ну, успокойся, ты со мной,
А здесь, в полоске фронтовой,
Они не очень-то над нами.

ГАЛИНА

Студентик хиленький! Куда! Стал выше, твёрже,
Движений, голоса спокойное единство.
Пусть говорят — ужасен фронт, а всё же
Мужчин перерождает он, как женщин материнство.
Когда поедешь ты? Нельзя ли поскорей?
Мне надо вырваться, уйти!

НЕРЖИН

Да что ты так торопишься? Ты ж не среди зверей.

ГАЛИНА

Почти...

НЕРЖИН

Но что творится здесь? Тут зеркало упало?

ГАЛИНА

Тут будет пир.

НЕРЖИН

А ты зачем? Как ты сюда попала?

ГАЛИНА

Не сразу всё... товарищ командир.
Опять слова противные — «товарищ» да «гражданка»...
Как можно благородно: «господин», «сударыня»!
...Для всех я — остовка, немецкая служанка,
Вчера *освобождённая* с приходом вашей армии.

НЕРЖИН

Зачем?.. Как занесло тебя сюда из Вены?
Кто твой жених?.. Что же молчишь ты, Галя?.. А?

ГАЛИНА

(затруднённо)

У вас это считается *изменой*.
Он — враг тебе. Он — офицер РОА.

НЕРЖИН

Не обязательно.

ГАЛИНА

Что?

НЕРЖИН

Враг.

ГАЛИНА

Серёжка!! Ты не оболванен?!

Зачем ты служишь им? Ты — наш?

НЕРЖИН

Чей — ваш? Не враг — ещё не значит друг.

ГАЛИНА

Скажи, а тут вот комиссар есть — Ванин, —

Хороший человек?

НЕРЖИН

Я лучшего не знал.

ГАЛИНА

А — политрук?

НЕРЖИН

Да тут не только что майор,

Тут все ребята на подбор.

ГАЛИНА

Но если так, скажи: каким же роком?

Какими зельями? какою силой

Вас всех понудили служить *морлокам*,

Врагам народа нашего, врагам России?

НЕРЖИН

Кому?

ГАЛИНА

Морлокам.

НЕРЖИН

Это — из Уэллса?

ГАЛИНА

Нет, из Москвы, а старший их — из Гори.

НЕРЖИН

Морлокам. Шибко сказано.

ГАЛИНА

Не смейся.

Всю юность просмеялись мы на горе.

НЕРЖИН

На наше горе, Галка, ты права.

Напоминают мне твои слова,

Как в детстве я по улице, беспечный ученик,

Бежал, свистел. Суровый подозвал меня старик:

«Не смей свистеть, щенок! На этакой свирели

Россию просвистели».

ГАЛИНА

Не то, не то, ты всё ещё легко...

Не нравишься ты мне — как о чужой беде

Ты обо всём об этом рассуждаешь.

Да обернись, одумайся, — ты где?

Где ты живёшь, ты знаешь?

Есть уговор у нас, гляди —

(быстро вынимает что-то висящее на шее на цепочке)

Вот ампула, в ней яд мгновенный, —

Что если мы не встретимся и, Бог не приведи,

Я в ваши руки попаду, то мёртвой, но не пленной.

НЕРЖИН

Галина! Ты в уме?

ГАЛИНА

Я не хочу изгнать в тюрьме!

Ни в Джеккагане — задохнуться пылью медной!

Ни в Заполярья — кровоточить от цынги!

Ни выбирать из мусора оглодки пищи бедной,

Ни продавать себя *Хозяину тайги!*

НЕРЖИН

Галина! Что за вздор?

ГАЛИНА

Та-ков наш уговор!

Не убеждай, напрасных слов не трать.

И он застрелится. Живым его не взять!

С — С — С — Р! Ведь это лес дремучий!

Дремучий лес!

Законов нет, есть власть — хватать и мучить

По конституции и без.

Доносы, сыщики, анкеты,

Лауреаты и банкеты,

Магнитогорски и онучи —
Страна чудес!
Страна измотанных, запуганных, оборванных,
Трибуны главарей — один в один как боровы,
Туристам западным — зажиточность
потёмкинских колхозов,
Для школьников — доносчик на родителей Морозов,
С дверьми за кожей чёрной — комнаты-капканы,
В пять Франций — лагеря вдоль Вычегды и Камы,
Куда ни глянь — то вдовья боязно отёртая слеза, —
Аплодисменты,
Сто процентов
ЗА!!!
Страна чудес! За голод, за невзгоды
Единым выдохом хвалебные акафисты и оды!
Страна чудес, где целые народы
— Коммунистические чудеса! —
Переселяют в глубь Сибири
За двадцать и четыре
Часа!
Ваш Рокоссовский не вчера ли
Ещё был зэк,
Не человек,
В Сибири ж где-то на лесном повале
Не то стволы пилил, не то грузил на баржи,
Сегодня вызван, нужен, маршал, —
А завтра, может быть, опять его в тайгу??
Ой, не могу!..

НЕРЖИН

Мне страшно, Галочка. Ты — та, и ты — не та.
По-новому светится каждая черта.
Ты одержимая. Твои глаза горят.
Кто всё это вселил в тебя? Откуда это случилось?

ГАЛИНА

Как ваши комсомолки говорят, —
Пе-ре-ко-ва-лась...
Как будто люди — лошади. Да, жребий верно узнан:
Тяни и подыхай, один конец.
В одной и той же чёрной кузне
Заплечный нас ковал один кузнец.

НЕРЖИН

Я соглашусь во многом. Многое тут правда.
Но краска чёрная в природе не бывает сплошь.

ГАЛИНА

Не спорь, не знаю я! Я буду мёртвой завтра,

Если сегодня ты меня не увезёшь!

Нержин погружён в слышанное.

Среди советских — как вести себя? что делать? научи.

НЕРЖИН

Сумеешь — грубых нас порадууй, позвени, похочочи,
Пройдись разочек в слоу-фоксе.

ГАЛИНА

А мы с тобой — знакомы?

НЕРЖИН

Н-нет...

Пусть будет так, что я тобой увлётся.
Кто ж твой жених? Он белоэмигрант?

ГАЛИНА

Да нет, как мы — из подсоветских.
Был лейтенант.
И в плен попал.

НЕРЖИН

И в армии немецкой...

ГАЛИНА

Теперь уж в *русской* армии, ты опоздал,
Там русские дивизии и авиация при этом!

НЕРЖИН

Я слышал.

ГАЛИНА

Слышал?

НЕРЖИН

Пражский зал
И учреждение *Комитета*.

ГАЛИНА

Он мне рассказывал, он был! О, это будет грандиозно!

НЕРЖИН

Галиночка, Галина, — поздно.

ГАЛИНА

Немного поздно, да.

НЕРЖИН

Галина, не немного...

ГАЛИНА

Убийца, замолчи! Всегда ты был фанатиком!

Но жизнь — не математика!

Не всё же надо строго.

И мягко надобно, Серёженька...

Ведь у меня всего одна дорога,

Одна дороженька...

Ты Люсе так пиши: негаданно, неожиданно

Твою подругу лучшую я сам отвёз к венцу.

Горели свечи. Скрябина играли. Странно,

Что чёрный цвет невесте был к лицу.

Мне не пришлось увидеть жениха,

И в церковь, где венчали, не вступил я на порог.

Но как невеста ни злосердна, ни капризна, ни плоха,

Пошли ей счастья, Бог...

(Рыдает.)

НЕРЖИН

Галюша... Этого ещё... Сказал же — увезу.

День-два пройдёт, и ты...

ГАЛИНА

Уже всё кончено. Одну слезу

От сердца полноты.

Откуда-то спустился ты как ангел

И вот опять уйдёшь, навек должно-нибудь...

Я так близка была к нему! — но танки!

Но ваши танки заложили путь!

О, если бы ты знал, как дрогнула Европа

В то утро страшное тринадцатого января,

Когда в её последние варшавские ворота

Вы двинули дубиною Иван-богатыря!

Всё закружилось, завертелось шабашом Вальпургия,

Кто онемел, кто извивался, кто бежал, а я —

Я кинулась сюда, чтобы прорваться к Растенбургу,

Где *легион* его, где он, где жизнь моя

Должна окончиться или начаться!

НЕРЖИН

Ах, вот он где!.. Я мог бы догадаться.

ГАЛИНА

Что? что? что знаешь ты?

НЕРЖИН

Я... ничего не знаю.

ГАЛИНА

Но ты сказал...?

НЕРЖИН

Теперь я понимаю,
Как получилось то, что путь твой здесь пролёт.
Рассказывай, рассказывай, Галёк.

ГАЛИНА

Уж всё. Из Вены десять суток я в пути. Бомбёжки,
Пожары, пересадки, эшелоны кувырком, —
И вот теперь, когда совсем немножко,
Когда б могла дойти пешком, —
Откуда — снова — вы? Поток, поток зловещий,
Войска, войска, нет перерыву им...
О чём ты хмуришься?..

НЕРЖИН

Что Пруссию мы взяли в клещи
И с часу на час их соединим.

ГАЛИНА

Он там!!!

НЕРЖИН

Он там.

ГАЛИНА

Мне говорили немцы, верить я боялась,
Зато у вас у каждого читаю на челе,
Что это так. Пусть так... Хотя бы мне досталось
Уйти из жизни с ним в одной петле.

НЕРЖИН

Галина. Галя. Подыми лицо.
Не побеждал ещё никто, лицо державший книзу.
Уж если едешь ты в *кольцо*,
То не с таким девизом.
Избранника не знаю твоего. Но если
Достоин он любви своей невесты, —
Скажи ему: спокоен я за русскую судьбу,
Пока у нас такие жёны,
Пусть до поры клеймёны мы по-разному на лбу
И в разные мундиры наряжены.
Я обещаю: через двое суток
Ты будешь *по-тот* бок,
Какие б ни были маршруты —
На запад, север или на восток.

ГАЛИНА
Так руку!

НЕРЖИН
Руку!

ГАЛИНА
С плеч гора!
Вторую!
(Их руки соединены и скрещены.)
Нет пути назад! Ура-а-а!!..
Не будет много, если я тебя ещё раз поцелую?

НЕРЖИН
По-моему, не будет.

ГАЛИНА
Господи, прости меня, шальную.

Целуются. Внезапно вспыхивает полный электрический свет.

Отгалкиваются.

Ага!

НЕРЖИН
Ага!

ГАЛИНА
Я ж говорю — страна чудес!
(Весело бежит к роялю, играет.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Там же, те же, в тех же положениях. Незамеченный обоими, появляется **Бербенчук**. Постепенно подходя, слушает.

БЕРБЕНЧУК
Ах, вот кто здесь всей музыке виновник!

ГАЛИНА
(встаёт, смущённо)
Товарищ командир...

НЕРЖИН
Товарищ подполковник!
По вызову по вашему...

Бербенчук делает милостивый жест: сейчас мы не на службе. В продолжении всей дальнейшей сцены он очень галантен, бас его переливается.

БЕРБЕНЧУК

И я, и я играл когда-то.

(Садится за рояль, исполняет несколько тактов «собачьего вальса».)

Ну, как нашли вы моего комбата?

Он кавалер плохой, далёк от всяких этих... этик.

Средь офицеров наших он — чудак и... теоретик.

Вы думаете что? — командовать легко?

Хо-го!

Тут мало... личной храбрости. Имей и хитрость лисию.

Усаживаются с Галиной за круглый столик, Нержин поодаль.

Сидят, скучают там, в штабах, но — начеку.

Чуть нет боёв — послать к Бербенчуку

Такую-то комиссию.

Ну, иногда у помпохоза им устроишь угощенье,

И пронесло. А то — вези в подразделение,

Хотим на край передний, хоть умри!

Вот тут и думаешь: к кому? Ведь батарей-то — три.

Я не теряюсь — сразу за рога:

А что интересует вас? Да то, да сё... Ага!

Сохранность техники? Храненье документов? тайн? —

К Макарову! Аккуратист. Хозяин!

Катушка с кабелем? — на каждой бирочка:

«Ответственный — красноармеец Ляпкин-Тяпкин».

Отчётность по имуществу? Читайте! Без задирочки

Красивым почерком, четыре папки.

Развед-планшет? Икона!

Сто листиков прозрачных, страшно тронуть!

И сам Макаров — де-ержится!.. Да нас, кадровиков,

Не хочешь — уважай.

Во-от... А второй — танцор и шалопай.

Он здесь сегодня, Лихарёв.

Задачи не дослушает — так точно! есть! пошёл!

Где поле минное — прошёл,

А где картофельное — сел!

(Хохочет.)

Галина вежливо улыбается.

Стреляет влёт, на выпивку не слаб,

Но, извиняюсь, слишком смел

Насчёт, как говорится, баб.

Бойцы его — по закромам, по ямам, влезут в щёлку,

Запасов завались у них, мука бела.

А то свинью убьют — из жалости: осколком

На поле боя, бедная, поранена была!
(*Хохочет.*)

ГАЛИНА
(*наивно*)
Из пушки?

БЕРБЕНЧУК
М-да. А шкура содрана — проверь. Так доскажу:
Сам езу я к нему, комиссий не вожу.
Во-от... А приедет из Москвы в пенсне интеллигент:
«На уровне науки ли инструментальная разведка?» —
Такого — к Нержину.
Поправочка на влажность, гра-ди-ент,
Мы тоже, дескать, кормлены не редькой!
И как это ещё? Температурная...

НЕРЖИН
Инверсия.

БЕРБЕНЧУК
Оближет пальчики! Доволен! Персия!
Пришлют инструкторов политотдела — я уже
С порога вижу: плохо дело, кляуза!
И — к Нержину! Дадут вам там ума,
Почище вашего комбатом там наворачено!
Шмурыгнет носом у него последний чухлома
И вякнет про *лиз-ленд*, про Черчилля.
Он
(*кивает на Нержина*)
всё не по-людски. Не пьян, когда все пьяны,
Не спит, когда все спят. Дошёл до капитана, —
Уставы ж наши и традиции — смеётся, всё к нулю!
А впрочем, мягче стал. За это похвалю.
Женат. Жене дотошно верен.
И даже в верности чрезмерен.

ГАЛИНА
Да разве верности есть мера?

БЕРБЕНЧУК
Ну, знаете, для офицера!..
Что, в штаб приехав за задачей боевой, —
Он с вами?..

НЕРЖИН
Слушал музыку.

БЕРБЕНЧУК

Ну да, но, милый мой,
Война не ждёт! Там кровь, там жертвы поминутно.
(Увидев Салиева-Замалиева, вошедшего с вазой.)
Сюда, Салий!

НЕРЖИН
(решительно встаёт, расстёгивает планшетку с картой)
Прошу задачу мне!

БЕРБЕНЧУК
(Галине)
Засушенный
Калифорнийский виноград. Трофейный. Кушайте.

НЕРЖИН
(наступая)
Прошу задачу!

БЕРБЕНЧУК
Подожди!

ГАЛИНА
(угощаясь)
Воюете уютно.

НЕРЖИН
Прошу...

БЕРБЕНЧУК
Отстань!

ГАЛИНА
Но где же вы доста...

БЕРБЕНЧУК
Тут были склады Красного Креста.
Мне удалось установить,
Где именно, накрыли цель, —
Не курите?
(Доставая из одного кармана кителя.)
Вот сигареты «Честерфильд»,
(из другого кармана)
а вот — «Камель».
(Закуривает.)
Галина Павловна! А как вы отнесётесь к мысли,
Что я вас в свой дивизион зачислю?

ГАЛИНА
Да разве можно?

БЕРБЕНЧУК

Назовите мне, чего не мог бы я?
Свой штаб, печать своя.
Зову портного — кителёк! и юбочку! скорее!
И по уставу сшить — и вместе помоднее.
Патриотизм какой! и в оборону вклад!
И как я *лично* был бы рад!..

ГАЛИНА

Но чем полезна буду вам?

БЕРБЕНЧУК

Не нам, не мне!
Галина Павловна, — *стране!*
Вот вы увидите сейчас —
Отдам приказ — и вас
Зачислят в список. Эт-то нам легко!

Стремительно входит **Майков** с двумя красноармейцами.

МАЙКОВ

Где молоко? Где молоко?
Американское?

Поварёнок показывает на столе.

Немецкое?

Тот показывает.

Сгущённое?.. Сухое?..
Эх, чёрт!
(*Любуется столом.*)

БЕРБЕНЧУК

(*благодарно*)
Э-э, Майков.

МАЙКОВ

(*рассеянно*)
Я.
(*Поварёнку.*)
А это что такое?

БЕРБЕНЧУК

Э-э...

МАЙКОВ

Эт-то что тут за мужицкие стаканы?

БЕРБЕНЧУК
(раздражаясь)
Начштаба!

МАЙКОВ
Да!.. Убрать гранёные, болваны!
(Только тут, наткнувшись на Нержина, на ходу запросто здоровается с ним.)

БЕРБЕНЧУК
(грозно)
Начальник штаба!!

МАЙКОВ
Слушаю!
(Вполголоса.)
Хрустальных, тонких, чтоб звенели!

Поварёнок убегает.

БЕРБЕНЧУК
(яростно)
Начальник штаба!!!

МАЙКОВ
(застывает «смирно»)
Весь вниманье!

БЕРБЕНЧУК
Неужели
Я!? — должен повторять?

Пауза. Майков своей навеки застывшей готовностью рассеивает это сомнение комдива.

(Смягчая тон.)
Вот эту вот советскую гражданочку,
Не знаю — барышню, не знаю — дамочку,
Бойцом в дивизион включить с сего числа.
Она уже согласие мне дала.

НЕРЖИН
(вставая, официально)
Товарищ подполковник! Я...

ГАЛИНА
Согласие? Когда же?

БЕРБЕНЧУК

Вам ясно?

МАЙКОВ

Ясно!

БЕРБЕНЧУК

Выполнять!

МАЙКОВ

(сокрушённо разводя руками)

Нет прав.

БЕРБЕНЧУК

У вас?

МАЙКОВ

У нас. и даже,

Увы, у вас.

БЕРБЕНЧУК

Как так? Если приказами проведена...

Ну, как там нужно, сделай поформальной.

В конце концов, я — кто? я едино-

Начальник?!

Майков выразительно смотрит на Бербенчука. Тот слабеет.

Но если я хочу?... но ты... но я... тебе ведь

Виднее, как за это взяться.

МАЙКОВ

(скороговоркой)

Инструкция ноль-ноль сто восемьдесят девять,

Приказ четыреста пятнадцать

Гласят, что без путёвки райвоенкомата,

Или без справки медсанбата...

БЕРБЕНЧУК

Но для чего ты есть? Но ты начальник штаба!

Ну, сделай так или иначе...

НЕРЖИН

Товарищ подполковник! Я бы

Просил поставить мне задачу!

МАЙКОВ

(подходя к Бербенчуку, тихо)

Особенно теперь, когда

Здесь смершевец...

БЕРБЕНЧУК

Ах, да...

Задачу?.. Ну, поди сюда.

(Отходит с Нержиным.)

Галина, стараясь быть незаметной, проходит и подымается по лестнице. Нержин развернул планшетку и на руках держит перед Бербенчуком карту.

Достань-ка карту. Во-от... Противник отступил к востоку

И закрепился... закрепился... Где же тут Либштадт?

Куда ж он делся?.. Гм... Был тут... А нет ли сбоку?..

Ну, в общем, *отступил назад*.

Мы — наступаем, и бои идут

(*Широкие жесты по карте.*)

Вот где-то тут... А может быть, и тут...

Я даже допускаю, что уже

На *этом* рубеже...

НЕРЖИН

Я уточнить хочу. Сперва вы показали...

Бербенчук смотрит не на карту, а вверх, вслед уходящей Галине. Нержин умолкает. В правую дверь вбегает одетый по-зимнему, запорошенный снегом *Сержант*.

СЕРЖАНТ

Товарищ капитан! На «Опель-Адмирале»

Наш повар...

МАЙКОВ

Что??

СЕРЖАНТ

Застрял.

МАЙКОВ

Но с торгом?

СЕРЖАНТ

Не может выйти. Держит на руках.

Галина ушла. Бербенчук спешно возвращается к карте.

БЕРБЕНЧУК

Во-от... обстановка в основных чертах.

МАЙКОВ

Командой вытянуть! Какого чёрта?

СЕРЖАНТ

Кого забрать прикажете?

МАЙКОВ

Телефонистов!

Связных! и писарей! фотографов! топографов! радистов!

Сержант убегает.

НЕРЖИН

Но я не понял...

БЕРБЕНЧУК

Разберёшься. Ты способный.

Начальник штаба разъяснит тебе подробней.

Рукой к козырьку отпускает Нержина и поспешно поднимается вслед Галине. Нержин с измерителем и картой в руках смотрит вослед Бербенчуку.

МАЙКОВ

(поглядывая на Нержина, напевает)

КТО ИГЛОЙ ПО РАЗОРВАННОЙ КАРТЕ
ОТМЕЧАЕТ СВОЙ ДЕРЗОСТНЫЙ ПУТЬ!

(Обнимает его за плечи, поворачивает к зеркалу.)

А? Комильфо? Ну, оцени.

Ведь мы же вспомним эти дни!

Король Артур за круглый стол сажал,

Но кто же с зеркала едал?

Такое празднество забудется нескоро.

НЕРЖИН

Да что за повод?

МАЙКОВ

Два. Рожденья день майора

И...

НЕРЖИН

И?..

МАЙКОВ

Ох, я и начудачу!

НЕРЖИН

Пока не пьян — поставь задачу.

Нержин выносит вперёд столик, раскладывает на нём карту, оба садятся, причём Майков — с ногами на стул, крест-накрест поджав их.

МАЙКОВ

Так. Обстановка. Обстановка
Никто не знает, как всегда.
Услышишь выстрел из винтовки,
Свернёшь машины к правой бровке,
Узнаешь-сходишь, не беда.
Либштадт. Река Пассарге. Мостом
На правый берег и — нах *остен!*

НЕРЖИН

К востоку? Подожди!!
(Вскакивает.)
Так Пруссия...?
(Рукопожатие с размаху.)

МАЙКОВ

Котёл!
Наш корпус танковый сегодня днём дожал-таки:
Разрезал немцев и у Эльбинга прошёл
До Балтики!

НЕРЖИН

(в большом волнении)
Мечта Самсонова!

МАЙКОВ

И торжества второй наш повод.
Бригада N-ская к тебе притянет провод.
Веди разведку в этом
(отчёркивает)
секторе,
Все цели нам передавай по радио,
а некоторые
Дави с бригадою. Ты их найти изволь.
Твоя готовность к четырём ноль-ноль.
Где батарея?

НЕРЖИН

Уезжая,
Её оставил я на съёме.

МАЙКОВ

Так час-другой, душа родная,
Ты будешь гостем в этом доме?
Ты оценишь изысканность затей и угощенья.
Им не найти ценителя мне больно было б, Серж.

Всё хорошо: войны конец, весёлый день рожденья,
И этой милой девушки явление, —
Так нет, приполз гадёныш СМЕРШ.

НЕРЖИН
Кто?

МАЙКОВ
Не видал ещё? Из Армии прислали.

НЕРЖИН
Уполномоченный?

МАЙКОВ
У-гу.

НЕРЖИН
Не фронтовик?

МАЙКОВ
Да где!
Да поросёнок розовый. Дерьмом чекистским напихали
В училище НКВД.
Весь мир его — училище: как одевали, как кормили,
Да как людей собаками травили...
Пойду. Состряпай донесеньице и схему набросай,
Пометишь четырьмя утра.

НЕРЖИН
Но где передний край,
Где развернусь, не знаю, что ты, Сашка?

МАЙКОВ
Да ты пиши! Как Ванин говорит, *нужна бумажка*.
Ты — мне, я — в Армию, а Армия пошлёт
Во Фронт, а ты ночуй, и не доехав даже.
Ну, глупость напиши, кой чёрт там разберёт?
Сто тысяч там таких бумажек!
Узнаю утром новенькое что-нибудь — подправлю,
А нет — пошлю и так, подумаешь, проблема!

НЕРЖИН
Нет, это глупо.

МАЙКОВ
(выпрямляясь)
Да? Так я, товарищ капитан, добавлю:
К пяти утра прислать связного с донесением и схемой.

НЕРЖИН

Куда прислать? Сюда?

МАЙКОВ

Ну да.

НЕРЖИН

Ещё глупей. Он и к шести утра,
И не сюда, в Либштадт не доберётся.

МАЙКОВ

А мне какое дело? Знать бы вам пора,
Вы — офицер, не детка,
За что глазами и ушами армии зовётся
Разведка вообще и, в частности,
артиллерийская разведка,

По мере того как Майков увлекается, Нержин любит его им.

Что никогда ещё такого отношенья строгого,
Не требовала чёткости такой документация,
Как именно теперь, когда мы *к зверю в логово*
Вступаем в окружении враждебной нации,
Как именно теперь...

НЕРЖИН

(напевает)

ИЛИ, БУНТ НА БОРТУ ОБНАРУЖИВ,
ИЗ-ЗА ПОЯСА РВЁТ ПИСТОЛЕТ,

(Вдвоём с Майковым.)

ТАК, ЧТО СЫПЕТСЯ ЗОЛОТО С КРУЖЕВ
РОЗОВАТЫХ БРАБАНТСКИХ МАНЖЕТ.

МАЙКОВ

Пи-ши!

(Уходит.)

Оставшись один, Нержин чертит, пишет и разговаривает между делом.

НЕРЖИН

Вот мне сказали бы в сороковом году,
В мои доверчиво неопытные дни,
Что я с высот Истории... безропотно сойду...
До низменной штабной стряпни...

Входит **Ванин**, куря трубку. Он каждый раз курит что-нибудь новое — то сигарету, то папиросу, то из газеты махорочную цыгарку непомерно больших размеров. Нержин не замечает Ванина.

Война за революцию!
Такой ли в юности тебя мы представляем?
Катушки с бирками...
Бумажки, чтоб начальство высшее провесть.
Всё выдумки — и героизм, и жертвенности тайны...
Как непохоже всё, что мы читаем,
На то, как это есть.

ВАНИН
Вот удивил! Образование ума не прибавляет.
Читай поменьше, менее того — пиши.

НЕРЖИН
(вскакивает)
Та-ащ майор! Вы, говорят, сегодня... Поздравляю!
И долгой жизни вам, от всей души!
(Рукопожатие.)

ВАНИН
Спасибо, дорогой. Но я скриплю давненько,
Пора мне, слышь, на печку помаленьку.

НЕРЖИН
Да сколько ж вам?

ВАНИН
Мне? Тридцать шесть.

НЕРЖИН
Все-го?
Мне столько же почти, а в мускулах, в крови...

ВАНИН
Тебе-то сколько?

НЕРЖИН
Двадцать семь.

ВАНИН
Хо-го!
До лет моих, милоч, ещё ты доживи.

НЕРЖИН
Но девять лет? Что в них? Велик ли ваш излишек?

ВАНИН

Четвёртый-то десяток! — вот оно.
Показывает он и то, как жизнь промотана,
И то, что нет у ног кудрявеньких детишек.

НЕРЖИН

Детей?

ВАНИН

Детей. Весёленьких, здоровых.
Мы все не понимаем схолоста.
Питаемся в нарпитовских столовых,
Ночуем у куста...

НЕРЖИН

Да-да-да-да! Как это вы сказали ловко! —
Вот именно — *столовка!*
Ещё не раз я ею детство помяну:
Доска облезлая, и мелом процарапано меню,
Всегда одно — капуста и перловка!..
Но поглядеть на вас сейчас — полны, в лице румянец,
Не выправка пускай, а всё ж армейский глянец,
Нет, не стары!

ВАНИН

На вид! А чувствую, что стар.
Из муромской деревни, в НЭПовский угар
Приехал я мальчишкой в город,
И вот с тех пор кружусь... кружусь с тех пор вот...
Х-эх, было времячко!

НЕРЖИН

Я помню!

ВАНИН

Помнишь? Ты?
По три копейки хлеб, да с дом величиной кино-анонсы?
А мы, стянувши пояса до туготы,
Шли штурмовать и верили, что мы штурмуем солнце!
Что запахи лугов вольются в города,
Что в сёлах заблестит хрусталь лабораторий,
Что четырьмя часами светлого труда
Все будем равные, все будем господа
Над жизнью. Над природой. Над Историей.
С субботников — на диспуты, с ячеек — в клубы,
С рабфаков — в Академии! — путёвку в зубы...
И не заметил, брат ты мой, я в этой суете,
Как жил и отжил. А теперь, как сорок мне без малого,
Ранения под Хортицею след на животе —

Рубец, извилистее перелёта Чкалова.

НЕРЖИН

Неповторимый НЭП! Под чьими небесами, —
Под нашими ты цвёл?.. и сами ж вы, вы сами
Его...

(Делает душащее движение на горле.)

Подойдя к радиоле, Ванин рассеянно включает её.

ГОЛОС ОТТУДА

...Весть о новых грандиозных победах героической Красной Армии вызвала прилив невиданного энтузиазма и небывалого патриотического подъёма среди ивановских текстильщиц. На многочисленных цеховых митингах работницы выкликают здравицы в честь гениально-мудрого стратега, вождя, отца, учителя и лучшего друга текстильщиц — товарища Сталина. Прядильщицы Моломонова и Натягушина 72 часа не отходили от своих сорока станков и досрочно выполнили план 1969 года...

Ванин выключает.

ВАНИН

Что — сами? Знаем, кривы сани.
Посердится на них кобыла,
А прёт и под гору и в гору.

НЕРЖИН

Арсений Алексеевич! Всё то, что было, —
Могло бы мягче быть? Без казней, без террора, —
С того последнего решающего спора
Между Бухариным и Сталиным?

ВАНИН

Меж них
И спору не было. Один скрипел пером за семерых,
Другой повсюду расставлял людей своих.

НЕРЖИН

Так было?

ВАНИН

Так.

НЕРЖИН

Тем хуже!..
Как скрыта истина Истории, и как её к тому же
Ещё темнят. У оппозиции у правой обнаружа...

ВАНИН

Какая оппозиция права, лева,

Всё это, слышь, браток, — слова!
Что от меня добыть ты хочешь? Ты-то
Уж мог бы знать мой нрав.
Хотел Бухарин, чтоб была Россия — сытой?
Так он и прав.

НЕРЖИН
Ах прав?! и я так думаю! Я чувствую порой,
Что в Революции, что в самом стержне становом
Есть где-то роковой,
Проклятый перелом,
Но где? Но в чём?
Когтями землю я царапаю, как зверь,
Я рылом под землёй ищу его на ощупь...

ВАНИН
И я так думал раньше. Но теперь
Боюсь, что дело проще.

НЕРЖИН
Как?

ВАНИН
А зачем тебе?

НЕРЖИН
А мне всего важней!

ВАНИН
Сказал я: «проще»? Я обмолвился. Сложней.
Долгонек разговор. Не здесь его начать.
Тебе — статистику, тебе — колонки диаграмм,
В учёность эту я и сам
Не больно крещен.
Скажи по-умному: умеешь различать
слова и вещи?

НЕРЖИН
А... в отношении каком?

ВАНИН
Ф-ф-ф! Умри!
Уже ответил — не умеешь.
Пять пиджаков над книгами протри —
Не поумнеешь.
Представь себе колхоз. Зажиточный, какого нет в Союзе,
Какого даже на картинках не расписывают нам,
Где не в ручную тачку — в три автомашины еле грузит
Колхозник хлеб свой, заработанный по трудодням.

Электро-дойки, — плуги, — вейки,
Во всём учёт и самый строгий план,
Где — ты не смейся! — ни одной общественной копейки
Никто и никогда не положил себе в карман.
Фруктовые сады, и пасеки, и фермы...
А общежитье — дом колонный.
Ну и сидит какой-нибудь там хрен, наверно,
На яблоки и на квартиры выдаёт талоны.
Конечно, дисциплиночка: всё строго по звоночку —
Ведь дело миллионное, нельзя в нём без порядку.
Зайдёшь в правление — на завтра разнарядка —
Куда тебе, куда жене, куда сыночку.
Так вот: в такой колхозный рай
Мужик пойдёт по воле?

НЕРЖИН

Полагаю — да?

ВАНИН

Узнай,
Что — *нет*!!
К тебе бы в кабинет
Пришли, сказали бы: вот эту стенку мы сломаем,
Там за стеной такие же м-мыслители,
И чтоб крепить науку вашу, ви-ите ли,
Усилья мозгов ваших мы сольём,
Исследований темы спустит вам Обком,
А от гостей, от праздников ваш интеллект храня,
Дадим звонок и распорядок дня! —
Ты б согласился?

НЕРЖИН

Не-ет! Свободу замысла утратить? Что вы!

ВАНИН

Ага! А что ж мужик, по-вашему, — корова?
Он — годы, месяцы и сутки —
О чём он думает? Всё о желудке?
А у *него* от солнца одного горит лицо,
Когда над пахотой о жниве он мечтает?
А он, в саду своём он любит деревцо
За то одно, что яблочки с него снимает?..
Вот мой тебе примерчик с ногтей.
А из таких примерчиков плетётся жизнь, браток.
Кабы не он, не миллион таких «кабы», —
Тогда садись, катай законы классовой борьбы.
Как, полицейские прочтя мои приметы,
Не можешь ты себе лицо моё представить,
Так общества не может Марксов метод

Ни объяснить, ни исчерпать, ни к лучшему направить.
Конечно, Маркс во многом прав.
Но мир взрывать? но взяться пальцами
за эту электрическую ручку?!.. —
Медведь, слышь, тоже костоправ,
Да самоучка.

НЕРЖИН

Гори, моя головушка!.. Я ждал от вас чего угодно,
Но не такого дальнего удара!
Вы так естественно, вы так свободно
Несёте сан и службу комиссара!

ВАНИН

Я? Что же я? Догадкой смутной я живу.
В поток попав однажды, им плыву...
А главное, что лучшего-то я не вижу и не знаю...
Я — колокол: людей, вишь, в церковь я зову,
А сам в ней — не бываю...

НЕРЖИН

(ходит в волнении)

Но как же жить? Но думать что?

ВАНИН

Вот думать-то как раз
Не надо. Есть начальство. Есть приказ.
От думанья никто не потолстел. От думанья сгоришь.
А меньше знаешь — больше спишь.
Приказ! Куда вертят, туда и доворачивай руля.
Прикажут завтра, что земля квадратная, —
Тык-мык — и что же? — дело неприятное —
На митинги! — Товарищи! Квадратная земля!
Твой бывший политрук бойцам в ответ —
Спросили, помнишь, почему, что церкви снова честь? —
«Ошибся я, робятки. Говорил, что Бога нет,
А Бог-то, оказалось, есть...»
(Смеются.)

Быстро входит *Майков*, за ним *Салиев* и *Замалиев* несут большой торт. Обегая их, семенит долговязый чёрный *повар* в белой шапочке и измятой расстёгнутой солдатской шинели поверх белого передника.

МАЙКОВ

Я в подземелье посажу тебя, урода!
Такой измяли торт!.. Поставьте тут.
(Показывает.)

Салиев и Замалиев торжественно ставят.

ПОВАР

Товарищ капитан!

МАЙКОВ

Я капитан уже два года.

Никак в майоры не произведут.

А десять юбок где собрал? А опоздал? А пьян?

Гордись! Шпану такую — в подземелье!

Вопросы есть? Соломы клоч. Воды холодной жбан.

ПОВАР

За непорочную? За службу? Неужели?

Товарищ капитан!

МАЙКОВ

Нет времени, клянусь Зевесом,

Я сам бы сел для интереса.

О, камни древние темниц Средневековья,

Где билось столько благороднейших сердец!..

ПОВАР

(со слезами)

Отечество я защищаю кровью...

МАЙКОВ

...свиней подстреленных? зарезанных овец?

Арестовать!

Салиев и Замалиев бросаются на повара.

ПОВАР

(яростно отбиваясь)

Но! Хамы! Тихо!

МАЙКОВ

Да завтра же сменю на повариху —

Молоденькую, чистенькую... у-у, скотина!

Один погибнет под бомбёжкой,

другой напорется на мины,

Потонет третий! — ведь хороший человек — он не живуч!

А ты? — травился, и горел, и падал с круч, —

И жив?

ПОВАР

Ну, хорошо, сажайте, я умру невинный.

МАЙКОВ

(Салиеву и Замалиеву)

Да не попутайте, там рядом погреб винный!

ВАНИН

(задерживая их, повару)

Четыре раза нас тягал Политотдел
Из-за тебя! — а ты всё цел.

МАЙКОВ

Поссорился с комкором 35-го комдив
Из-за тебя! А ты всё жив!

ПОВАР

(высвободившись, развязно)

Из-за меня? А кто докажет? Здравсьте!

(Снимает колпак.)

Я жеребёнка приручил, а у комкора той же масти

Пропал!.. Теперь — испёк воздушный торт,

Во всей бы армии никто не мог такого испекти,

И этим я сегодня горд,

И —

(глядя на Ванина)

я могу идти?

Ванин машет рукой, освобождённый *повар, Салиев* и *Замалиев* уходят.

МАЙКОВ

Я б наказал.

ВАНИН

Да ну его совсем.

Из тех, кто хапает, не самый он заметный.

Но, шуток кроме, совсекретный

Приказ по фронту. Ноль-ноль-семь:

(тоном, как будто читает)

«При выходе на территорию Восточно-Прусскую

Замечены в частях Второго Белорусского,

Как в населённых пунктах, так и при дорогах,

Происходящие при попушеньях офицерства

Отдельные пока что случаи — поджогов,

Убийств, насилий, грабежей и мародёрства.

Всеми начальствующему, всему командному составу

Вменяется в обязанность, даётся право

В частях своих, а равно и чужих, не проводя раздела,

Для поддержанья воинской советской чести

Подобные поступки пресекать на месте

Любыми средствами вплоть до расстрела».

НЕРЖИН

(свистит)

Сильно! А как же быть с инструкцией Политотдела

О нашей о *священной мести*?
А как — *посылочки*? А батарейные тетради
Под заголовком «Русский счёт врагу»?

МАЙКОВ
Ба-батюшки! Скажите Бога ради —
Так я обоз Глафиркин вышвырнуть могу?

НЕРЖИН
Вот это здорово! Ивана заманили,
Ивану насулили, Ивана натравили,
Пока он нужен был, чтоб к Балтике протопать...

МАЙКОВ
Не пить ликёров? Тесто — без ванили?
Сушёную картошку лопать?
Не-ет, это недоразумение!
Конечно, будет *Разъяснение*...

НЕРЖИН
Полмира обещали мы ему, к прыжку готовясь...

МАЙКОВ
Я гастроном, я вовсе не толстовец.

НЕРЖИН
Он дорвался — чур, не игра, кричим мы, чур!

МАЙКОВ
Победа без обеда?? Это чересчур!

НЕРЖИН
У нас румянец девственный — погоны, гимн и церкви!

МАЙКОВ
(откидывая штору)

Из окна уже светит не голубым, а багровым.

Вы посмотрите, что за прелесть эти фейерверки!
(Задёргивает.)
Насилья — да, насилия — ужасны!
Но если немочка, как говорят, *сама согласна*?..

НЕРЖИН
Солдат, с которым я лежал в болотах Ильмень-озера,
Солдат, с которым нас в упор клевал
одномоторный «Юнкерс», —
Его — расстреливать? За то, что взял часишки «Мозера»?

И даже пусть — что затащил девчёнку в бункер?
Прощаясь с жизнью там, в орловской ржи,
В палёных запахах, в дыму,
Я жал к земле его — *не наша*, может быть, лежи! лежи!
И на него теперь я руку подыму?
Вы перед наступлением не так ли непреложно
Приказ оправдывали противоположный?

ВАНИН
Оправдывал, так что ж?

НЕРЖИН
Так где же истина? Где ложь?
Вы говорили, что солдат страдал,
Что ждать его должна в конце пути награда... —
И вот теперь стрелять в него мне надо?

ВАНИН
Попробуй, выстрели! Катну под трибунал.

НЕРЖИН
Как, а приказ?

ВАНИН
А что приказ?
(Дует.)
бумажка!!
Уж если что надвинулось, идёт, так быть ему!
Букашка!
Не мнишь ли управлять событиями?
Приказ? Исполни в меру. Не казня. Не сокрушая.
От крутости себя вы отучите-ка.
Идёт по нашим жизням маленьким — большая
И часто грязноватая Политика.
(Обнимает разом Майкова и Нержина.)
Друзья-друзья!
Как часто зря
Себя в сомненьях и в решеньях мучим мы,
А и без нас всё, всё идёт на свете к лучшему.

НЕРЖИН
Арсений Алексеевич частенько повторяет:
«Всё к лучшему», «Образование ума не прибавляет»,
«Не берегись начала, берегись конца», —
Я в поговорках тех никак не доищуся до ядёрца.

МАЙКОВ
Где ж, дьявол, к лучшему? Мы жили тихо, мирно,
Как будто ангел плыл над нами, крылья распростерши,

Так нет, припёрся этот жирный
Свинёнок розовый из СМЕРШа.

НЕРЖИН

Терзает девушку...

ВАНИН

Уже?

МАЙКОВ

Во всё суётся, лезет...

ВАНИН

У нас не разгуляется. Где сядет, там и слезет.

МАЙКОВ

Да! почему? У всех уполномоченный сидит как чирь,

А к нам пришлют — неделя, месяц, — шнырь —

И нет! и тишь, и гладь. За что такая льгота?

НЕРЖИН

(пожимая плечами)

По Гауссу. Рассеиванье. Отклонение от правил.

ВАНИН

Какой там Гаусс! Звездочёты!

Я! Я их сплавил!

НЕРЖИН, МАЙКОВ

(вместе)

Как? Вы?

НЕРЖИН

Но что вы делали?

ВАНИН

Кропал по-тихому на них *материальчик*.

Ведь он запрётся — пишет, гад, ты не смотри, что мальчик.

(Гневно.)

Я снизу доверху их видел — благодатнейшие ряжки!

Как говорится, сами кобели,

Ещё собак для службы завели, —

Но и над ними есть, над ними есть! — *бумажка!*

МАЙКОВ

Но что писали вы?

ВАНИН

А что придётся, без разбору.

Мне лишь бы наперёд, не дать им только фору.

Один сболтнул спяна строенье Органов секретное,
Другой скрывает данные свои анкетные,
Тот выражал неверие в победу, тот симпатии к врагу, —
Да что я, вспомнить всё могу?
А написал — пошло! Друг друга лопают, как крысы.
У них и бдительность,
У них и мнительность,
Кудрявчика выдёргивает следователь лысый,
Скроит ему вину, не в этом — в чём другом,
Да у кого из нас её не сыщешь, присмотревшись?
Я из-за них в году тридцать седьмом
Пять месяцев не мог поспать раздевшись:
Вот-вот по лестнице, вот-вот и постучат...
Старушка мама в час, как все запрутся, —
«Что ж это будет, Сеня? Что ж они хотят?
Людей пересажают всех, а сами останутся?»
И ходит-ходит, ставни-двери крестит
Слабеющим движеньем сморщенной руки...
Не проходило ночи, чтоб не шли аресты,
Чтоб не шныряли воронки.
Пересажали в городе бояр, детей боярских,
Вельмож партийных, профсоюзных,
буржуазных, пролетарских,
И сошку мелкую, и крупную, — а я живу,
А я трясусь на кожаном диване.
Остались в городе: начальник ГПУ
И я, Арсений Ванин.
Уж я готов был рассказать и подписать всё, как телёнок,
С кем связан был от самых от пелёнок,
Уже дела все сдал — не взяли! уцелел!..

МАЙКОВ

А я, любимец муз, едва не погорел.

Взоры обоих обращаются к нему; Майков непринуждённо садится на край зеркала и побалтывает ногами.

Какой-то умник высказал догадку,
Что на плакатах, на блокнотах, ученических тетрадках,
В картинах, статуях, во всём,
чего касались кисть, резец и карандаш, —
Таятся агитация, террор и саботаж.
И началось течение, поветрие, поморье:
Искать и нюхать до упаду, до полегу —
Бородку Троцкого в ветвях дубка у лукоморья,
«Долой ВКП/б/» на поясе у вещего Олега.
Сейчас-то я, конечно, импрессионист,
Но был когда-то узколобый реалист.
Кончая в Строгановском отделение скульптуры,

Как полагается, работою дипломной,
Изобразил я поцелуй Психеи и Амура
Довольно натурально и... не очень скромно...
Между мужчинами сказать, когда срывают розы,
Вы сами знаете, бывают... позы!

(Соскакивает и попеременно то за Амура, то за Психею пытается изобразить свою скульптуру.)

Она — откинулась, одна рука повисла,
Он — взял её вокруг талии, склонился к ней — вот так!
И что ж? Какой-то комсомолец, остолоп,
додумался до мысли,
Что здесь скрывается фашистский знак!
Уж речи нет о выпуске ни о каком,
Меня туда, меня сюда, меня в партком,
Над бедной группой моей — вся детективная гимнастика,
Учёные мужи, комиссии — действительно ли свастика?
Одно-другое-третье жюри —
Да если б знал я?! — мифология! огнём она гори!
Однажды в заседаньи сам директор, цепenea,
В который раз присел перед Амуром и Психеей,
И я не выдержу — уж так на них был зол! —
Из зала крикнул: «Вы залезли бы *под стол!* —
Оттуда, может быть, виднее?»
И сразу было решено, что — свастика, что, де,
Пора заняться этой парочкой ЭН-Ка-Ве-Де.

ВАНИН

Х-эх, это был весёлый год,
На анекдоте анекдот.
Сел мой знакомый, врач ветеринарный.
— Личина сорвана с тебя, признайся, враг коварный,
Ты отравлял колхозный скот?
На стула кончике сидит мой врач дрожа.
— За эти годы не было, простите, падежа.
— А вам хотелось бы, чтоб был? А вам бы...
И — по зубам, и — по зубам,
Да на неделечку в подвал под *во* какую лампу! —
(двумя руками показывает над головой шар)
А хлебца — триста грамм.
Уснуть нельзя: уснёт — сейчас же будят...
Пишите — отравил. Колхозного верблюда.
Наглеешь, сволочь? Издеваться? Над ЧК?
И — под бока, и под бока.
Признайся, гад! Иначе
Послать тебя туда придётся,
Где девяносто девять плачут,
Один смеётся.
Пришлось признаться — парень в лоск ослаб.
Но, сохраняя мысли остроту,

Дал показание, что прививал он сап
Рогатому скоту.
И сразу — булочку ему и дополнительные щи,
Пятнадцать лет, на Север, десять однодельцу, —
Прошла ежовщина, вдруг кто-то разыщи
Его потерянное дельце.
Что значит — врать по-умному! — и ложь-то,
Она не всякого спасёт.
Додули мудрецы: болеют сапом лошади,
Но не рогатый скот!
...Так вот, с ним в камере сидел один дедусь —
Сермяга, лапотник, ну — Русь,
Суда не дождался, почил он в Бозе.
Чтоб следователь душеньку пустил на покаяние,
Дал показанье дед, что у себя в колхозе
Подготавливал вооружённое восстание.
Что танк имел, одиннадцать гранат
И сколько-то охотничьих двустволок,
Что цель имел — идти на Ленинград,
Насилуя дорогой комсомолок...
Военная Коллегия Верховного Суда
По двести приговоров в день пекла тогда.
Судили так: взведут бегом по лестнице два конвоира:
— Петров? — Петров.
(А то и Петушков, попутают случайно.) —
Стоят, присесть им некогда, торопятся отчаянно.
Морской порядок: свистнут — вира!
Нагрузят десять-двадцать — майна!
...А иногда бывало так:
Прислали из Челябинска несуженных этап.
На север, под Печору.
На двор их выгнали — заслушать приговоры.
Выходит лейтенант в сапожках хромовых,
За ним сержанты с папками — «дела», «дела»!.. —
На Тришкиных, на Мишкиных,
Мандрыкиных и Громовых —
А лютая зима была!
Все топчутся, все ёжатся, вокруг солнца — колесо,
Попробуй пальчиками голыми листочки перебросить! —
Чтобы себя не мучить и людей: «Судило вас ОСО», —
Он объявил, — «по десять всем, а кой-кому по восемь.
Понятно?.. Р-разойдись!..» Па-ашли...
Легли на нары...

Пауза.

Ну, Майков, что молчишь? Развесели.
Тащи сюда гитару.

Майков уходит. Вся поза Нержина — напряжение.

НЕРЖИН

Так значит, правда всё, что говорили
Про истязания, про пытки?..

ВАНИН

— А?

НЕРЖИН

Что били, мучили, что голодом морили,
Что в баню голых по снегу водили,
Что в одиночку впихивали дюжину?..

ВАНИН

Когда...

Когда толкали в камеру пред утром, на заре,
Тех самых, что сидели при царе, —
Настолько необычен был для них событий ход,
Настолько неизмеренным падения несчастье,
Что к новичкам кидались — *чей переворот?*
Товарищи! Скорее! — *Кто у власти?*

Входит **Майков**.

МАЙКОВ

(поёт, перебирая струны)

ГАСНУТ ДАЛЬНЕЙ АЛЬПУХАРЫ
ЗОЛОТИСТЫЕ КРАЯ,
НА ПРИЗЫВНЫЙ ЗВОН ГИТАРЫ
ВЫЙДИ, МИЛАЯ МОЯ!..

ВАНИН

Нет, эта песенка не вдосыть весела.
Есть песни краше...

МАЙКОВ

Какую ж вам?

ВАНИН

Про степь, что за Волгу ушла...
Про степь сыграй нам, Саша.

Садятся у круглого столика, Майков с гитарой. Поют.

ВМЕСТЕ

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО СТЕПЬ ЗА ВОЛГУ УШЛА...

В ТОЙ СТЕПИ ШИРОКО БУЙНА ВОЛЯ ЖИЛА...
ЗНАТЬ, В СТАРИННЫЙ ТОТ ВЕК ЖИЗНЬ НЕ В РАДОСТЬ
БЫЛА,
КОЛЬ БЕЖАЛ ЧЕЛОВЕК ИЗ РОДНОГО СЕЛА.
ПОКИДАЛ ОТЧИЙ КРОВ, РАССТАВАЛСЯ С ЖЕНОЙ
И ЗА ВОЛГОЙ ИСКАЛ ТОЛЬКО ВОЛИ ОДНОЙ...

Аккомпанемент смолк.

ВАНИН

(повторяет голосом, близким к рыданию.)

Покидал отчий кров, расставался с женой,
И за Волгой искал только воли одной.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же. Те же. В тех же положениях. По лестнице спускается *Глафира*, одетая к ужину.

ГЛАФИРА

Начальник штаба! Капитан!

Комдивом час всего был дан,

Но вот и два прошло с тех пор...

(Заметив Ванина, круто снижает тон.)

Я извиняюсь, тут майор.

Ванин и Нержин по-прежнему сидят неподвижно. Майков, с досадой ударив по струнам, встаёт, мгновение как бы обдумывает, потом трижды хлопает в ладоши.

МАЙКОВ

Салий и Замалий!

Салиев и Замалиев одновременно выскакивают из левой и правой двери.

САЛИЕВ и ЗАМАЛИЕВ

Мы тут!!

МАЙКОВ

(показывая на пиршественный стол)

В атаку на большой редут

Созвать гостей!

(Толкает Глафиру гитарой в бок.)

— Гуляй, моя девчёнка! —

И чтобы через пять минут

Я видел в центре поросёнка,

А через семь — консервные котлеты!

(Снова хлопает в ладоши.)

Салиев и Замалиев трижды балетно мечутся по сцене.

(Глафире.)

Что скажет член военного совета?

ГЛАФИРА

(в стиле вульгарной цыганщины перебирает ногами, играет и поёт в быстром темпе)

ГИТАРА МИЛАЯ, ЗВЕНИ, ЗВЕНИ!
СЫГРАЙ, ЦЫГАНКА, ЧТО-НИБУДЬ ТАКОЕ,
ЧТОБ Я ЗАБЫЛ ОТРАВЛЕННЫЕ ДНИ,
НЕ ЗНАВШИЕ НИ ЛАСКИ, НИ ПОКОЯ!

Салиев и *Замалиев* уже убежали. С последней нотой Глафиры Майков включает на радиоле громкий фокстрот и ведёт Глафиру. Она обхватила его спину гитарой. Почти тотчас же из коридора в сложном тройном танце врываются *Лихарёв* и две девушки в военной форме — *Катя*, повыше ростом, развязная, с расстёгнутым стоячим воротом гимнастёрки, из-под которого сверкает подворотничок, и *Оля*, скромная блондиночка. Следом за ними входит и ритмично похаживает вокруг тройки *Начхим* — лысоватый, пожилой, полный. Лихарёв отдаёт ему Катю, и вот уже три пары носятся по залу с быстротой, возмещающей малое число танцующих. Ванин за это время встряхнулся, медленно прошёл к радиоле и выключает музыку. Все останавливаются. Глафира рассматривает девушек, они — её. Нержин сидит на прежнем месте.

ВАНИН

(Нержину)

Ты понял? Я согласие давал
На ужин маленький, семейный,
А тут выходит целый бал.

МАЙКОВ

(оглядываясь)

К тому ж довольно безпартийный.

ГЛАФИРА

С кем Лихарёв согласовал?..

ЛИХАРЁВ

Прошу простить, та-ащ майор,
Я знал, что женщин недобор,
И если я не разыщу...

МАЙКОВ

То кто же их найдёт!

ЛИХАРЁВ

Звать немок я не мог.

МАЙКОВ

Не мог как патриот!

ЛИХАРЁВ

Бегу искать, але, але,
Смотрю — знакомый «Шевроле»,
Ночует в этом же селе
Знакомый штаб, начальник штаба части!
А по расчётам фронтовым
Мы с ним
В родстве отчасти... —
Сестра с ним общая у нас.

ВАНИН

Твой брат?
Так звать его!

МАЙКОВ

Ты поступил по-свински!

ЛИХАРЁВ

Да нет... поймите... медсанбат...
Сестра была... сестрою медицинской.

КАТЯ

Аркадий, ты... ты негодяй!

ЛИХАРЁВ

К нему! — товарищ! выручай!
В беде не бросит. Машинистку Катю
(представляет её Ванину)
На сутки, как в кинопрокате, —
Пожалуйста, бери.
Одну? Ты шутишь! Нужно три!
Две минимум.
«Нет у меня». — Смотрю, мелькнула глазом синим.
А эта? — «Тут... проходит подготовку, снайпер».
Что, курсы? — «Индивидуально».
Я — слово офицера: только чай пить,
Ни вальсов, ни вина, буквально.

ГЛАФИРА

За женщину дать слово наперёд!

ВАНИН

А танцевал?

ЛИХАРЁВ

Осмелюсь доложить — фокстрот.
Уговорил: на час, не боле,
Он отпустил со мною Олю,
(представляет Ванину)

Ей нужно рано-рано спатки.

ВАНИН

Откуда ж вы?

ОЛЯ

Из Вологды.

ВАНИН

В порядке

Мобилизации?

ОЛЯ

Я добровольно. Комсомолка.

ВАНИН

Дитя моё! Вы думали, без вас не одолеем?

Вздыхали бы над книжечкой, бродили по аллеям...

Безпечность юная, где ты?..

МАЙКОВ

И сколько

Уже убили немцев?

ОЛЯ

Ах,

Я не была ещё в боях.

Начхим алчно оглядывает стол и ищет собеседника в Нержине.

НАЧХИМ

Не понимаю, до каких же пор мы

Губить здоровье будем воздержаньем?

Входят *Парторг с Гридневым.*

ПАРТОРГ

Национальная по форме

И социалистическая содержанием.

Ведь так?

ГРИДНЕВ

(несвободно)

Конечно, да.

ПАРТОРГ

И долг партийный...

Проходят по сцене. Слева входит в парадном мундире сияющий **Бербенчук**. Майков с аффектацией пытается начать рапорт.

МАЙКОВ

Товарищ под...

БЕРБЕНЧУК

(великодушно останавливает)

Откуда девушки, вопрос мой будет первый?

ЛИХАРЁВ

(подхватывая Катю)

В порядке аварийном.

(Подхватывая Олю.)

Из тыловых резервов.

Знакомятся. **Салиев** и **Замалиев** на больших блюдах вносят по поросёнку. В дальнейшем они прислуживают за столом. Майков время от времени отрывается на беззвучные распоряжения им и другим красноармейцам.

ПАРТОРГ

На заседаньи партбюро

Мы это всё обсудим.

На самом верху лестницы появляются **Галина** в бальном туалете и **Анечка**, преобразённая нарядом и причёской. Гриднев первый замечает их и спешит встретить Галину.

ГРИДНЕВ

Да, да, обсудим, секретарь.

КАТЯ

(Бербенчуку)

Старо, комдив, старо!

НАЧХИМ

Как, Нержин, думаешь, мы кушать всё же будем?

ПАРТОРГ

Ох, блюдо, неужели серебро?

ГЛАФИРА

Чего мы ждём, Евгений, наши все!

БЕРБЕНЧУК

(тоже заметив Галину и постепенно подвигаясь ей навстречу)

Ну где же все, когда во всей красе,

В вечерних туалетах, посмотрите!..

ГЛАФИРА

(бросается, опережая его)
Ах, Анечка, какой нелепый бант!

Из-за неё Бербенчук замешкался и не поспевает к Галине. К ней подошёл Гриднев.

ГРИДНЕВ
Ты где была? Я заходил.

ГАЛИНА
(с достоинством)
Товарищ старший лейтенант?..

ГРИДНЕВ
Ты что, забыла?
(Пытается взять её за руку.)

Меж ними втискивается подоспевший Нержин.

НЕРЖИН
Виноват.
(Предлагая Галине руку.)
Вы разрешите?

Галина подаёт ему руку, Гриднев заступает дорогу.

ГРИДНЕВ
Вы кто такой?

НЕРЖИН
А вы?

ГРИДНЕВ
Нет, вы?

НЕРЖИН
Я здесь комбат,
А вы?

За это время вкрадчиво подоспевший Бербенчук уводит Галину. В глубине — предпиршественное оживление. Гриднев и Нержин — на авансцене.

ГРИДНЕВ
(пытаясь настигнуть Галину)
Алё, алё!
Куда же вы? куда же?

НЕРЖИН
(преграждая путь)
Так кто же вы?

ГРИДНЕВ

(пытаясь обойти)

Не ваше дело.

НЕРЖИН

Не моё?

А девушка — не ваша.

ГРИДНЕВ

А вы остры на язычок.

НЕРЖИН

Не притворюсь, что простачок.

ГРИДНЕВ

Свободны в обхожденьи.

НЕРЖИН

Не за словом в карман.

ГРИДНЕВ

(пристально, очень значительно)

А — кто вы есть, товарищ капитан?

НЕРЖИН

Я вам сказал: комбат.

ГРИДНЕВ

Да нет, по *соцпроисхождению!*

НЕРЖИН

Я не ослышался?

ГРИДНЕВ

Я думаю, что нет.

НЕРЖИН

Спросили вы...

ГРИДНЕВ

Кто ваш отец, кто дед?

А вы взглянули как-то косо.

НЕРЖИН

Да. Если добрых десять лет

Не слышал этого вопроса

И думал не услышать впредь,

Так как же мне на вас смотреть?

ГРИДНЕВ

А раньше, значит, слышали?

НЕРЖИН

Да кто ж его не слышал?

На каждом повороте.

Но ведь теперь уж он из моды вышел.

Мы — просто русские, мы просто — патриоты.

ГРИДНЕВ

Формулировочка такая нам знакома.

БЕРБЕНЧУК

Товарищи, прошу вас, без стеснения, как дома,

К столу! к столу! к столу!

ЛИХАРЁВ

Сюда вот, Олечка!

ОЛЯ

Не надо на углу!

Все рассаживаются за зеркалом. Майков идёт к Гридневу и Нержину.

ГРИДНЕВ

Да, всё течёт, всё изменяется на свете.

Мы — снова русские, но русские — не просто.

А в офицерское училище вступая, вы в анкете

Не замечали этого вопроса?

НЕРЖИН

Заметил, да. Но думал — старый отпечаток.

ГРИДНЕВ

В ОсобОтделах не бывает опечаток.

Майков уводит их и сажает: Гриднева рядом с Глафирой, Нержина возле себя. В последнюю минуту к столу приходит и *Прокопович*, садится в неудобном месте, без пары и собеседника. Теперь слышен шум приступа к еде, общие разговоры:

— Позвольте?

— Пожалуйста.

— Кусочек ветчины.

— А это что за невидаль?

— Отбросивши чины...

— Обычай русский воскреся,

Под хреном прусский поросся.

ОЛЯ

Я не пойму, когда же здесь воюют?
С тех пор, как я приехала, всё кушают, всё кушают.
А там-то думают... А там о вас горюют...
И сводки слушают.

ГОЛОСА ЗА СТОЛОМ

— Когда вы замуж выйдете, то мужу...
— Сюда долей!
— Нет, только меньше жиру!
— Кому-то начинать.
— Кому же?
— Кому же, как не командиру?
— Внимание!
— Внимание!

БЕРБЕНЧУК

(встаёт)

Товарищи! Уже три года мой дивизион,
Ну, не скажу, что в нынешнем составе,
Сметая артиллерии враждебной огневой заслон,
Пусть пушками других частей, но вправе
Мы приписать разведке нашей... во-от...
И всё вперёд... и всё вперёд...
Из-под святой Москвы, из-подо Ржева...
Как вот... волной... как вот... лавиной гнева...
Неся идей советских благородство...
Не зная отдыха... всё время на краю передовом...
Всё время под одним и тем же руководством
(Я — с самого начала был, а заместитель мой уже потом),
Под Старой Руссою... Орёл...
Бобруйск... и Белосток...
И вот сегодня, подводя итог...
Активные участники, не зрители,
В день именин майора, заместителя...
Не кадровик, не строевик... но знает своё место...
А тут — и Пруссия в котле... и было бы уместно...
Язык солдатский мой, он груб и прост...
Короче, я вам предлагаю тост...
Во-от... тост — за армию... за нас... за...

ГРИДНЕВ

Не пойму.
Традиция советская издавняя
Не в том ли состоит, что первый тост заздравний
Возносится Тому...

ВАНИН

(перебивает, вставши с бокалом)

Кто шлёт нам озарение кремлёвских звёзд.
Что значит — «армия»? — Главнокомандующий!
Подполковник предложил нам тост
За Сталина!

Парторг громко аплодирует.

БЕРБЕНЧУК

(заикаясь)

Да-да-да-да! Конечно! Да, да, да!

Все встают, чокаются, общий гул.

МАЙКОВ

Был выпить гренадер! Сюда, Салий, сюда!

(Гридневу.)

Мужчина выпить! — вёдрами, по-русски,

Хоть с огурцом, хоть без закуски.

(Наливает Гридневу и Нержину.)

Теперь нас верных будет три.

Пьют с Гридневым, Нержин едва пригубляет. **Майков** отлучается.

ГРИДНЕВ

Что ж вы ответили?

НЕРЖИН

Ответил?..

ГРИДНЕВ

В анкете.

НЕРЖИН

А-а... Сын служащей.

ГРИДНЕВ

Как это понимать?

НЕРЖИН

А так, что в учрежденьи служит моя мать.

ГРИДНЕВ

Ответ неполный. По нему не видно вашего лица.

А кто её отец? А — *ваш* отец?

И наконец —

Отец отца?

НЕРЖИН

А если мой отец убит

За полгода до моего рожденья, —
Как в этом случае мне быть
С моим происхождением?

ГРИДНЕВ

Я помогу. Найдём вам вашу полочку.
Кем он убит? Чьей пулей? Чьим осколочком?

НЕРЖИН

Немецким.

ГРИДНЕВ

В армии?

НЕРЖИН

Да, в русской.

ГРИДНЕВ

Скажем — в царской.

НЕРЖИН

Нет, в русской армии.

ГРИДНЕВ

Ну, прямо вот, в кацапской.

БЕРБЕНЧУК

(оживлённо Галине)

А там толпа, несут, кричат!
Он разогнался, чуть назад, —
И танком врезал прямо в склад!
(Хохочет.)

ГРИДНЕВ

Кто ж был он? Серенький солдат?
Навряд...
А ваша память *чин* его могла б ещё...?

НЕРЖИН

Могла бы. Зауряд-
Прапорщик.

ГРИДНЕВ

Ах, пра-апорщик!! Как стал им?

НЕРЖИН

Просто. Был студент.

ГРИДНЕВ

Ага-а, студент! Один момент.
(Важно закуривает.)
Он — сын...?

НЕРЖИН
Крестьянский.

ГРИДНЕВ
Ломоносов?
Вот так из маленьких вопросов
И вам готова западня,
И всё понятно для меня.
Вы — внук, да только не крестьянина. На денежки какие
Отец учиться мог? На трудовые
Шиши?
Кормилица соха?

Нержин взволнован.

Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!
Шучу, комбат. Пока — дыши.

БЕРБЕНЧУК
Не тянет танк, мотор рычит —
А там уж госпиталь горит,
Ну, всё растащит бражка!
— На башню танка и кричит:
— Да мне ж оставьте, *пехоташка!*

Галина смеётся вслед за Бербенчуком. Глафира нервничает. Возвращается *Майков*.

МАЙКОВ
(Гридневу)
А ты курить — недавно научился.

ГРИДНЕВ
Давно.

МАЙКОВ
Да брось. Написано ж на лбу.

ГРИДНЕВ
В училище! Я расскажу тебе! Я раз напился —
И в самоволочку! — за девкой волочился.
А тут — патруль. Да брать нас на губу
Нельзя!

ЛИХАРЁВ
(Оле)

Не знаю, как вы будете стрелять,
Но мне под сердце самое установили мушку.

ГЛАФИРА

(Гридневу, указывая на Галину)

Чтоб не сказать, что эта девка — ...

(Кончает на ухо.)

Скажу, что эта горничная просто потаскушка.

Узнав, не удивлюсь я, что она ...

(На ухо.)

ГРИДНЕВ

Не может быть!?

ГЛАФИРА

Таскалась тут с фашистами. Не дивно.

ГРИДНЕВ

Такая девочка — больна?

ГЛАФИРА

Какой вы всё ж таки наивный.

НАЧХИМ

(Кате)

Как угадаешь? С тылом расставаясь,

Я думал: конечно, прокручена моя кинокартина!

Но вот война проходит, возвращаюсь, —

Здесь

(показывает на грудь)

звёздочка, здесь

(на плечо)

три, а здесь

(на карман кителя)

билет партийный.

ЗАМАЛИЕВ

(подбегая)

Товарищ капитан...?

МАЙКОВ

Неси, неси!

Замалиев убегает.

НАЧХИМ

Куда свободней дышится, как орденоч прилепишь.

ГРИДНЕВ

А я чуть-чуть, вы знаете...

ГЛАФИРА

Да боже упаси!

Да от красавицы скорей всего подцепишь.

НАЧХИМ

Ещё б жену сорокалетнюю сменить на две по двадцать,
Карам-бим-бом-були! — и можно жить.

КАТЯ

Я — подошла бы вам?

НАЧХИМ

Но-но! Женой нельзя бросаться!

Жена — не мяч. Вам — положить?

ЛИХАРЁВ

Однажды вот, как вы, такие ж молодые,
Пять девушек проходят гордым шагом,
У четверых медали — «за заслуги боевые»,
У пятой — «за отвагу».

За что *вы* четверо медали получили — понимаю.

Но, спрашиваю, *вам* как высшая солдатская досталась?

А я, — ответила, головку подымая, —

Спротивлялась.

Из ведер, дымящихся паром, Салиев и Замалиев выхватывают стеклянные банки и, ловко открывая их, выворачивают на тарелки котлеты.

ГРИДНЕВ

А наловчились делать немцы, стервы,

В стеклянных банках этих вот домашние консервы.

НАЧХИМ

Когда-то сжарены котлеты были впрок,

ГЛАФИРА

Горячими под пробку их, впритирку, в погребок,

МАЙКОВ

Бегут, добро бросая, мирные селяне,

ЛИХАРЁВ

Приходят варвары-славяне,

АНЕЧКА

Бросают банку в кипяток,

КАТЯ
Резиночку оттянут — и

НЕРЖИН
Шипят, как только что со сковородки!

МАЙКОВ
И златопенного Аи,

ПАРТОРГ
А то так просто русской водки...

Г
АЛИНА

ЕЩЁ БОКАЛОВ ЖАЖДА ПРОСИТ
ЗАЛИТЬ ГОРЯЧИЙ ЖИР КОТЛЕТ...

МАЙКОВ
(чокаясь с Гридневым и Нержиным)
И никакохоньких вопросов
Нет!

НАЧХИМ
Нет, есть вопрос: не слышно больше спичей.

БЕРБЕНЧУК
Начальник штаба. Это недостаток.

НЕРЖИН
(вставая)
Товарищи, я поддержу обычай
И, как военный, буду краток.

Общая тишина.

Окончится вся эта заваруха,
Расстанемся, разъедемся, и те из нас, кто будут живы,
Ещё не раз майора Ванина припомнят дар счастливый
Соединять весёлость грустную и твёрдость духа.
Что был он в жизненных вопросах нас мудрее,
Что был он...

ПАРТОРГ
Предан ленинской идее.

НЕРЖИН
...От буквы мёртвой отличал живое дело...

ПАРТОРГ

Не отступал от директив политотдела!

НЕРЖИН

... Не отступал и выполнял их с жаром.
И человеком был и замполитом...
Товарищи! Подыдем наши чары,
Чтоб дольше жить ему и лучше, чем прожито!

Все встают, пьют. Гул. Как бы передавая следующую ступень общего опьянения, реплики читаются нараспев.

БЕРБЕНЧУК

Ответственным за радио
Кого определим?

ГОЛОСА

— Аркадия!
— Аркадия!
— Кому ж тягаться с ним?

ЛИХАРЁВ

(идёт, пританцовывая, к радиоле)
С коллекцией пластиночек
Теперь воюет рус.
(Включает радиолу.)
Фокстроты для блондинок,
(переключает)
А для брюнеток блюз.

Тихая танцевальная музыка сопровождает дальнейшую сцену. Реплики как бы про себя.

ГАЛИНА

Люблю тебя, свечение
Изменчивой судьбы!

НЕРЖИН

Люблю тебя, течение
Разымчивой гульбы!

НАЧХИМ

Люблю, когда бокалами
Весёлый стол звенит,

МАЙКОВ

И крыльями усталыми
Так хочется в зенит!

АНЕЧКА

И хочется, и верится
Душе в чаду угарном,

ВАНИН
Что всё ещё изменится,
Что прожито бездарно.

Дальше — разговорно.

КАТЯ
Я умными вопросами
Не мучаю себя.

ПАРТОРГ
(с протянутой в сторону Гриднева рукой, с вытянутым указательным пальцем застывает, как на плакате)

На время его реплики музыка прерывается, потом выплывает опять.

Товарищ! А с партвзносами
В порядке у тебя?

ГРИДНЕВ
(ворчит вполголоса)
Ты спрашивай, да знай с кого...
Пришлют же ишака.

ОЛЯ
Ну, разве что токайского,
И то лишь два глотка.

МАЙКОВ
(Гридневу)
Парторгов было пятеро.
За дундуком дундук.

ГЛАФИРА
(Оле)
Отправила я матери
Из Гомеля сундук.

НАЧХИМ
Любезнейший! Бутылочку
Вон ту сообрази!

ГЛАФИРА
Посылку за посылочкой
Я шлю, вообрази.
Так дочке на приданое

Сбираем по крохе.

МАЙКОВ

Споём же, бражка пьяная,
Ха-ха!

ГРИДНЕВ

Хо-хо!

ЛИХАРЁВ

Хэ-хэ!

БЕРБЕНЧУК

Ну, Майков!

МАЙКОВ

А?

БЕРБЕНЧУК

Скажи чего...

ГОЛОСА

— Тост!

— Байку!

— Анекдот!

МАЙКОВ

(тяжело подымается)

С начала его речи музыка замедляется, как на останавливающейся пластинке, и замолкает вовсе.

Что ж, торжеству приличное
Скажу и я, уж если мой черёд.

Тишина.

Сегодня я... я как-то странно взвинчен...
Вы ждёте шуток от меня, игривого экспромта.
Друзья мои! Я ощутил впервые нынче,
Что были для меня четыре года фронта.
Победа! Вот она!.. Дай руку! Как мягка!
Благоуханна как и как покорчива...
Но та рука, что нас в окопах корчила, —
О, как она была жестка!
Кто *сорок первый год* забудет — глаз вон!!

Все вздрагивают.

Кто помянет его неправдой — два!!
...Мне выпало за тех, кто незван, кто не назван,
Проговорить запеклые слова...
Гонялись «мессеры» над ржаной пожней
За каждою машиною, за человеком каждым...
Мы рыли, рыли бархат пыли придорожной
Губами, пересохшими от жажды.
В скирдах запаленных, в мостах упавших,
В дыму, в слезах я вижу нашу Русь...
Не тем, что я среди победителей,
а тем, что *был среди бежавших!* —
Вот чем сегодня я горжусь!
Из окружения по двести метров в час
Орудья ляжками тянули, вздувши жилы, —
Всех орденов
(*проводит по груди*)
отдам иконостас
За ту медальку раннюю, нехитрую!
(*Берётся за неё.*)
...Ещё горжусь, что предок мой служилый
Стрелял из пушки пеплом Первого Лжедмитрия!
Мы русскую историю учили по Покровскому —
Не просто в сжатом очерке, а в *самом сжатом*:
Молитвослов из Разиных, Халтуриных,
Бакуниных, Домбровских, —
Суворов был *палач*, Кутузов был *лакей*,
Нахимов был *пиратом*.
Сейчас смешно! — но кто писал в анкетах
что-нибудь иное,
Чураясь офицерства, как содомского греха, —
Что молодость провёл откатчиком в забое,
Что — сын и внук крестьянина и правнук пастуха?!
Я тем горжусь, что Доброхотовы
рубилась под Полтавой,
Что был один из них казнён Бироном *за измену*,
Что бились мы под Рымником, под Прёйсише-Эйлау,
Что Майков, прадед мой, похоронён под Балаклавой,
Дед Плевну брал, отец был ранен под Мукденом...

Последние слова его покрывает занавес.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЁРТОЕ

Там же. Те же. На столе добавился самовар и чайная посуда. Прошло сколько-то времени, так что встали из-за стола и танцуют: *Нержин* с *Галиной*, *Парторг* с *Анечкой*, *Бербенчук* с *Олей*, *Лихарёв* с *Катей*, *Начхим* с *Глафирой*. Чувствуется общая пьяность. *Прокорович* в одиночестве с бутылкой. Бербенчук, оставаясь в парадном мундире, на голову надел чёрный поблескивающий цилиндр. От радиолы громкий вальс. Справа, за круглым

столиком, **Ванин**. За зеркалом, примерно посередине, **Гриднев**. Ванин улучает моменты, кто приближается к нему в танце, и задирает.

ВАНИН

Серёга! Напишу жене!

Эй, напишу жене! Серёга!..

НЕРЖИН

Та-ащ майор! Танцуют все!.. Так почему же мне?..

Пишите уж... Одна дорога!..

ВАНИН

Аркадий!.. *Брата* обманул! На обещанья ты медовник!

Смотри, смотри! Танцует Оля вальс!..

ЛИХАРЁВ

Но ведь не я... Не я, а подполковник...

Что я могу?.. Против начальств?..

За это время Майков незаметно для танцующих проводит под роялем двух **фотографов**. Они выползают, один наводит аппарат, другой с магнием. Майков идёт к радиоле и переключает её на радиовещание. Одновременно: обрывается музыка, вспыхивает магний, все замирают в немой сцене и как бы изумлённо слушают радио:

ГОЛОС ДИКТОРА

...Вождь всего прогрессивного человечества, величайший из мыслителей, когда-либо живших на земле, гениально-мудрый, могуче-прозорли...

Так же неожиданно Майков снова включает музыку. Все снова вертятся. Громкий смех шутке. Гриднев мрачен. Вальс проходит ускоренные последние такты и кончается. Бербенчук в манере народного танца лихой присядкой проходится по авансцене и помахивает цилиндром.

БЕРБЕНЧУК

Ой, колы ж мы наемось

Варэников з вышнями?

(И — второй раз.)

Хохот, аплодисменты. Танцующие гуляют парами.

ЛИХАРЁВ

(подходя к Нержину)

Синьор, прошу вас знать и честь.

Галина Павловна мне обещала танец.

(Уводит Галину к радиоле выбирать пластинку.)

Нержин, оставшись один, бредёт к Ванину и садится с ним. Майков садится около Гриднева.

НАЧХИМ

(проходя с Глафирой)

Здесь *(показывает на орден)*

есть, здесь *(на погоны)*

есть, здесь

(высовывая партбилет из кармана)

есть.

Да на сберкнижке полевой,

Да в чемодане кой-какой

Кафтанец.

БЕРБЕНЧУК

Салий, сюда!

ВАНИН

Какой же он Салий?

Он — Замалий!

БЕРБЕНЧУК

Три года служат, ну, убей,

Никак не различу я этих двух чертей.

Замалиев подбежал с вазой, Бербенчук угощает Олю.

ПАРТОРГ

(проходя с Анечкой)

Так было раньше, доктор, а теперь

Покушаю — и жмёт, вот тут... вот тут... вот этак...

АНЕЧКА

Куда какой весёлый кавалер!

Зайдёшь, я дам тебе таблеток.

МАЙКОВ

(Гридневу)

Ты что, ты принял всё всерьёз?

Да нет, я скромненький, я малый человечек.

Отец мой, правда, пирожками торговал вразнос,

А остальные все пасли овечек.

НЕРЖИН

(Ванину)

Откуда взяли вы, ну почему:

«Образование ума не прибавляет»?

ВАНИН

Браток, кто это понял — разъяснить не надобно тому.

И не втолкуешь тем, кто этого не знает.

МАЙКОВ

Да пролетарий я исконный:
Дворовой девки сын я незаконный.
Ты в школе ж прорабатывал — помещички бывали!
Им — попадись на сеновале!
Феодализм проклятый! Право первой ночи!

ГРИДНЕВ

Но значит, всё же, кровь твоя полудворянская?

МАЙКОВ

Что — кровь? Ты на нутро смотри.
Нутро моё — рабоче-
— крестьянское!
Да, я горжусь своим сермяжным родом:
Мы — *Доброхотовы: добра хотели* мы.
Кому? Естественно — народу!

Танго. Галина и Лихарёв танцуют. Музыка постепенно становится беззвучной.

ВАНИН

(Нержину)

Всё на себя беру. Кругом я виноват.
Считай: сдал Луцк. Сдал Львов. Сдал Новоград.
И хоть под Ковелем едва что я не помер, —
Оправился, сдал Коростень. и я же сдал Житомир.
А после, под шумок, при драпе массовом,
На пару сдали Киев с генералом Власовым.

МАЙКОВ

(Гридневу)

Но производственную практику вы всё же проходили?

ГРИДНЕВ

Конечно, и теорию и практику учили.
Арестовать — уметь! Тут способов миллионы!
Чтоб не шуметь. Чтоб шито-крыто.
Оденься лётчиком, электриком, шофёром, почтальоном...
Ну, скажем, как арестовать архимандрита? —
Заночевать просись.

ВАНИН

Полтаву сдал. и Лубны. и Хорол.
А разных там Пирятовых, а Белых там Церквей...
Слышь, счастье, что наш брат до Волги не дошёл, —
И Сталинград мы сдали бы, ей-ей.
Уж как катились — ни заград-отрядами
И ни приказом *двести двадцать семь*...
Бывало: «Братцы! Не Москва ль за на...» Да я! да мы!

Да по рогам! Да ну тебя совсем!

К Ванину и Нержину переходит Анечка. Нержин вскоре отходит, выглядывает в окна под шторы, расстёгивает планшетку с картой, нервно похаживает. Галина после танца разговаривает с Лихарёвым, с Бербенчуком, но тревожно следит за Нержиным. *Нержин* уходит в правую дверь.

ГРИДНЕВ

Христовым странникам архимандрит, конечно, рад.
Сидят чекисты и беседуют про страшный суд, про рай.
Заснула братия — встают: «Ты арестован, гад!»
Не вспоминай!..

ГЛАФИРА

(в группе слева танцует с гитарой и поёт)

НЕ ВСПОМИНАЙТЕ МЕНЯ, ЦЫГАНЕ!
ПРОЩАЙ, МОЙ ТАБОР! — ПОЮ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ!

НАЧХИМ

(сильно пьяный, стоит, почти повиснув грудью на перила лестницы, и декламирует то ли Кате, сидящей неподалёку от него, то ли никому)

И ВОТ МНЕ ПРИСНИЛОСЬ, ЧТО СЕРДЦЕ МОЁ НЕ БОЛИТ,
ОНО — КОЛОКОЛЬЧИК ФАРФОРОВЫЙ В ЖЁЛТОМ
КИТАЕ...

КАТЯ

Эт что?

НАЧХИМ

Вертинский, Катенька. Его когда-нибудь
Слыхали вы?

КАТЯ

Старьё, начхим. Старьё и муть.
(Отходит.)

Начхим ещё стоит, потом опускается на первые ступеньки лестницы. Тихая музыка, как бы из-за стекла.

АНЕЧКА

(Ванину)

Ну, ты доволен праздником?

ВАНИН

Доволен.

АНЕЧКА

А почему ты грустный?

ВАНИН

Да разве человек бывает волен
В чувствах?
Окончится война — закатимся подальше, — от гостей,
От книг, газет, от новостей,
От заседаний, должностей,
Куда-нибудь в стороночку крестьянскую,
В Тамбовскую, в Рязанскую...
Ты будешь там врачом —
Лечи, да не калечь.
А я — фруктовый сад стеречь
Да обиходить пчёл.
Утрами — холодок от речки. Гуси. Стадо. Тишь...

АНЕЧКА

Фантазия. Ты первый так не усидишь.

Бербенчук выводит Галину под руку из группы, ведёт по авансцене.

БЕРБЕНЧУК

Галина Павловна! Я вами очарован!
Галина Павловна! Ещё я не старик!

ГРИДНЕВ

(следя за ними, Майкову)

И человек бывает арестован
В тот самый миг,
Когда он менее всего предполагает,
Когда не ждёт, когда не знает, —
Вот это первый сорт!
Чтоб на свидание спешил, чтоб ехал на курорт,
В командировочку...
Когда он вырван из среды, из обстановочки...

МАЙКОВ

(наливая ему и себе)

Вино, вино! Кто тот безвестный гений,
В веках потерянный...

ГЛАФИРА

Евгений!

Настороженно следя за Бербенчуком, она выдвинулась из группы. Бербенчук увлечённо разговаривает с Галиной уже неподалёку от Ванина, от которого Анечка ушла к танцующим.

МАЙКОВ

...Кто голой пяткою в чану
Давил впервые виноград?..

ГЛАФИРА

(издали)

Евгений! Подойди сюда.

БЕРБЕНЧУК

Ну что? Ну? Ну?

(Галине)

Я извиняюсь. Виноват.

(Идёт к Глафире.)

Галина, оставшись одна, неуверенно озирается.

ЛИХАРЁВ

Любил я пикники. В цветных одеждах птички

По пятьдесят, примерно, килограмм.

ВАНИН

Вы побледнели, Галя.

ГАЛИНА

С непривычки

К подобным вечерам.

(Повинуясь его пригласительному жесту, садится рядом.)

БЕРБЕНЧУК

Глафирочка! Я буду... я стараюсь...

ГЛАФИРА

С кем хочешь, но не с ней!

ГРИДНЕВ

(Майкову)

Ты думал подпоить меня? А я чем больше накачаюсь,

Тем я трезвей.

ГЛАФИРА

(Бербенчуку)

Пойди, покобели вон около тех двух.

(Кивает на Катю и Олю.)

Я тоже человек советский, есть у меня нюх.

Ты — знаешь, кто она? Проверил документ?

(Уводит его в группу налево.)

МАЙКОВ

(Гридневу)

Я — брудершафт хотел с тобой,

Но ты какой-то сволочной.

ГРИДНЕВ

Начальник штаба! Час ночной.

Ты освети один момент:

Посты стоят на выходах из замка?

МАЙКОВ

На входах.

ГРИДНЕВ

Нет, на выходах?

МАЙКОВ

Здесь не тюрьма, здесь часть.

ГРИДНЕВ

Да ну?

(Указывая на Галину.)

Запомни: если выпустишь вот эту вот гражданку,

Так я тебе на шею мотану.

МАЙКОВ

(вставая, холодно)

Бумажечку.

ГРИДНЕВ

Какую?

МАЙКОВ

Бумажёнку.

ГРИДНЕВ

Гм... Видишь, контрразведке

Не так удобно оставлять излишние пометки.

МАЙКОВ

А я за каждую проезжую девчёнку

Не собираюсь отвечать.

ГРИДНЕВ

Ты зря боишься. Нет в работе нашей брака.

Кто арестован — тот и правильно.

МАЙКОВ

Однако,

Что лоб, что камень, — я служака:

Мне дайте подпись и печать!

(Встаёт; зло.)

Ты... а!.. Ты радость пира,
Живую радость ты во мне убил, как мотылька.

ГРИДНЕВ

Там по пути ко мне прислать не можешь командира?

МАЙКОВ

В твоём погоне, кажется, один просвет пока.

(Отходит направо к окнам.)

ГАЛИНА

(Ванину)

Я вам признаюсь, многих эмигрантов я видала.

Благополучны и сыты, их дом — в полне.

Не объяснить — чего им не достало?

Что бросили? что тянет их к недоброй, злой стране?

В богатую гостиную войдёшь —

вдруг видик деревенский:

Овраг, берёзонька и клуня с прясельным забором.

Я знала старика-помещика. В Смоленске

Упал на площади булыжник целовать перед собором.

Тоска по родине! Нельзя её понять,

Ни излечить, ни оправдать.

Одних здесь ждёт петля, других — тюремный срок, —

Летят, летят на жёлтый огонёк!..

ГРИДНЕВ

(манит проходящего парторга)

Парторг! Вопрос *оперативный*. Живо

Пришли ко мне комдива.

Парторг идёт его звать.

ГАЛИНА

А молодёжь? Там кончили чужие институты,

Прекрасно знают по три европейских языка,

Женились — на своих! Не верят ни минуты,

Что там и жить... *пока* вот всё, пока...

Майков отзывает Ванина направо.

ОЛЯ

(в игре, которую затеяли слева)

За это фант! за это фант!

БЕРБЕНЧУК

(подходя и склоняясь к Гридневу)

Товарищ старший лейтенант!

Меня хотели вы...?

ГРИДНЕВ

Хотел.

Ну, как дела? Теченье дел?

БЕРБЕНЧУК

Да, в общем, н-ничего...

ГРИДНЕВ

Дивизион как?

БЕРБЕНЧУК

На полной боевой, вы сами видите...

ГРИДНЕВ

Как Галя?

БЕРБЕНЧУК

Галина Павловна? С изюминкой. А вам?

ГРИДНЕВ

Она шпионка.

БЕРБЕНЧУК

(остолбенело)

Она??!

ГРИДНЕВ

А вы и проморгали?

Галина ёжится под взглядами со всех сторон. Она нервно оборачивается то в сторону Гриднева и Бербенчука, то в сторону Ванина и Майкова.

Вы благодушны, я смотрю, вы просто близоруки.

Вам помахали юбочкой...

БЕРБЕНЧУК

Я, знаете, от скуки,

Но я... о! я!..

ГРИДНЕВ

Конкретно:

Вы — безхребетны.

В СССР ли, за границею, под всякою личиной

Раскрыть врага имейте зренье.

Кого б ни встретили вы — женщину, мужчину, —

Вот это враг! — в себе будите подозренье.

Майков быстро уходит в коридор. Ванин в задумчивости возвращается к Галине. Образовалась как бы невидимая линия, проходящая через Гриднева и отделяющая Галину и Ванина от остального общества. Начхм, всё время сидевший на первых ступеньках лестницы, уронив лицо в ладони, — поднимает голову.

НАЧХИМ

(пьяно декламирует)

БУДЬ ОН НОВЫЙ ПРОРОК ИЛИ НОВЫЙ ОБМАНЩИК,
НО В КАКОЙ ТОЛЬКО РАЙ НАС ПОГОНЯТ ТОГДА?..
ЗАМОЛЧИ, ЗАМОЛЧИ, СУМАСШЕДШИЙ ШАРМАНЩИК!
ЭТУ ПЕСНЮ ЗАБЫТЬ Я ХОЧУ НАВСЕГДА...

(Вновь опускает голову.)

Бербенчук, совершенно невменяемый, отходит от Гриднева.

ВАНИН

(Галине)

Боюсь, что эти вёрстаньки и вёрстаньки до дому
Вам будут нелегки.
Не братья встретят вас, не по-родному,
А пограничные штыки.
Дам вам советец важный:
Снимите вы браслеты эти, сбросьте крепдешин,
Не говорите «каждый», говорите «кажный»,
Сморкайтесь — на пол, пальчиком большим.
Прибейтесь к партии каких-нибудь крестьянок угнанных,
Затурканных, запуганных,
Зипунчик на плечи, на голову платок,
Да чемодан смените на мешок.
Сальцом не брезгуйте. Колбас
Возьмите про запас.
Да табачку. В дороге нет помощника надёжней.
И неглубок пускай ему схорон:
Погранохрана ли, патруль ли железнодорожный,
Не станут вас пущать в *Советиш Унион*, —
«Закуривай, ребята!» — щедро, вод' эк,
В шершавые ладони им. Скрутят себе цыгарки —
«Откуда, девочка?» — «Орловская!» —
Возьмут под подбородок —
Езжай, коза, без контрамарки!
Забудьте всё, что видели, — какие тут правительства,
Обычаи, различия, понятия, платья, воздух, свет, —
Приедете — смените местожительство.
«Была под оккупацией?» — в анкетах. — Нет!

Как бы боясь перейти воображаемую разграничительную черту, Бербенчук на авансцене останавливается и хриплым трагическим шёпотом пытается обратить на себя внимание Ванина и вызвать его к себе.

БЕРБЕНЧУК
Майор! Майор!

ВАНИН
А?

БЕРБЕНЧУК
Ванин!

ВАНИН
Что?

БЕРБЕНЧУК
Майор!

ВАНИН
Да что тебе?

Бербенчук делает знаки.

Иди ты к нам.

Бербенчук отчаянно отказывается.

Нельзя? Беда моя,
Ведь знаешь ты — я на ноги не спор
От лишнего питья.

(Тяжело поднявшись, переступает невидимую черту и окончательно оставляет Галину одну.)

Левая группа незаметно растаяла: ушли *Анечка, Глафира, Парторг, Прокопович*. Галина вся сжимается. Гриднев не сводит с неё глаз. Электрический свет начинает неуклонно убавляться. Ванин с Бербенчуком — на авансцене.

Ну, что?

БЕРБЕНЧУК
Ой, лышенько, ой, лыхо.
Она — шпионка.

ВАНИН
Кто?

БЕРБЕНЧУК
Тс! Тихо!

Пропали мы!

ВАНИН

Да кто?

БЕРБЕНЧУК

Мы! Ты. и я. Ведь ты мой первый за...

ВАНИН

Кто «за»? Что «за»...? С тебя начнут, начнут с туза.

Бербенчук потрясён.

(Деловито.)

Уполномоченный сказал?

БЕРБЕНЧУК

Ага.

ВАНИН

Есть ордер на арест?

БЕРБЕНЧУК

Та раз вин каже, мабуть е.

ВАНИН

Ты думаешь, что есть?

Но едучи сюда, он мог ли знать о ней?

БЕРБЕНЧУК

Так. Это правильно.

ВАНИН

Иди и спи. Я завтра разбужу.

БЕРБЕНЧУК

(зовёт слабым голосом)

Начальник штаба!

ВАНИН

Я ему скажу.

Иди и спи! С женой.

БЕРБЕНЧУК

С Глафирочкой моей!

(Направляется уйти, но тотчас опять возвращается.)

ВАНИН

А не уйдёшь, так сам расхлёбывай.

БЕРБЕНЧУК

Та я хйба засну? Який то будэ сон?

Ну, я надию маю... Хлопцы оба вы...

(Уходя.)

Дивизион! Пропал дивизион!

(Но в глубине сходится с Катей и возвращается, держа её за вытянутую руку.)

Так ты уладишь, Сеня?

ВАНИН

Всё улажу.

БЕРБЕНЧУК

Ну, выручил, ну, друг!..

Там если что... так знаешь, даже...

К Глафире не стучи... меня чтоб не искать ей...

Я буду это... с Катей.

Уходят с *Катей*. *Лихарёв* с *Олей* тоже ушли. Свет всё гаснет.

ГАЛИНА

(теребя ампулу на шее)

Как сердце сжалось! Боже мой, как страшно!

Ушёл Сергей! и никого из наших!

Отступает. Гриднев встаёт и медленно идёт на неё. Ванин всё так же неподвижен в центре авансцены. Вдруг на самом верху лестницы — громкий топот, почти мгновенно за ним — пистолетный выстрел и откуда-то с хоров звон разбитого стекла. По лестнице суетливо сбегают: *Майков* с головой, перевязанной окровавленной повязкой, размахивая обнажённой шпагой, за ним — *Парторг*, почти ещё в нижнем белье, на ходу одеваясь, и *Салиев* с пистолетом над головой. Сообщая свой испуганный ритм Ванину и Гридневу, они мечутся по сцене, — Ванин нелепо семенит. Выглядывают в окна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.